

ПОКАЖИ МНЕ ЛЮБОВЬ

ВЕЛЪВЕТ

ТЕУА LOVE

18+

Покажи мне любовь

Тея Лав

Вельвет

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лав Т.

Вельвет / Т. Лав — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Покажи мне любовь)

Они не такие разные, как думает Трейси Данэм, встречаясь с парнем, который совсем недавно ее раздражал. Он был ужасным, потому что был недостижим. И сломлен. Но теперь они вместе, и Кайден Арчер старается не обращать внимания на болтовню вокруг них. В Эшборо Флэйм любят смаковать сплетни, создавать много шума из ничего и сгущать краски. «Нельзя верить тому, что тебе внушают другие». Поддаться натиску — значит усомниться в себе, а это может дорогого стоить. Например, подорвать и без того шаткую уверенность в себе.

© Лав Т., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

«Вельвет» является продолжением серии «Покажи мне любовь». Первые две главы посвящены флэшбэку, но далее повествование идет после событий первой книги – «Плюш» (до эпилога!).

Несмотря на отсылки к вышеуказанной книге, «Вельвет» можно считать самостоятельным романом и читать без предварительного знакомства с первой частью.

Пролог

Когда мне было десять лет, мама купила мне вельветовый сарафан-миди. Он был бордового цвета, и я решила надеть его в школу со своей любимой футболкой с принтом Джека Скеллингтона. Но мама сказала, что ни в коем случае нельзя носить такие футболки с вельветовой тканью.

Мне было десять, но я уже понимала, что мода стала намного демократичней с тех времен, когда вельвет называли «тканью короля». В общем, я жутко разозлилась, потому что две мои любимые вещи не сочетались. Не подходили друг другу.

Поэтому я засунула сарафан в сушилку и намеренно его испортила.

Но как бы я ни злилась, и каким бы глупым ни был мой поступок, одно я уяснила: что-то сочетается, а что-то нет. Наверное, как и люди. Они либо подходят друг к другу, либо нет.

Бунтуй, иди против системы, но долбаный вельветовый сарафан нельзя носить с принтованной футболкой!

Глава 1

Трейси

31 октября, год и пять месяцев назад

Выругавшись себе под нос, я стряхиваю со своих сетчатых колготок налипшую траву. Воздух наполнен запахами костров и жареного мяса. Пока я шла мне попадались дети, которые все еще бегают в костюмах и с мешками конфет. На задних дворах многих домов слышатся веселые голоса.

Прейдя в условленное место, я достаю телефон и пишу Вив. Она моментально отвечает, и уже через минуту я вижу ее в переулке в том же костюме, в каком она расхаживала сегодня в школе.

– Ты сказала, что наденешь другое, – возмущенно говорю я, осматривая ее чирлидерскую форму, которую она попросила у кого-то из девочек из группы поддержки.

Свет уличных фонарей достаточно освещает лицо Вивиан в этом переулке, чтобы ясно разглядеть искусственную кровь на ее губах и подбородке.

– Ну, я больше ничего не придумала.

– Дженнифер из «Тело Дженнифер» – это все, на что способна твоя фантазия? – саркастично интересуюсь я.

Вив поправляет на себе парик с длинными темными волосами и молча изучает мой костюм.

– Какая же ты классная, Трейс. – В глазах подруги читается искреннее восхищение.

Ну да, я постаралась над своим образом. Днем я даже не думала наряжаться в какой-нибудь костюм, на мне была привычная школьная форма, и чтобы хоть как-то поддержать дух Хэллоуина, я носила вставные клыки, которые ужасно давили на десна. Кайла Чемберс сказала мне сегодня, что я полна самоиронии, раз вырядилась самой собой. Лишь позже я поняла, что она имела в виду. Ну и пусть. Меня не совсем задевают эти слова, лишь самую малость, но я способна игнорировать это. Но на сегодняшнюю вечеринку Вив потребовала с меня костюм и это должен был быть образ, который я сама никак бы не додумалась на себе применить.

Обняв Вив в знак благодарности, я целую ее в макушку из искусственных волос, и вместе мы идем в сторону парка Хайлендс, который прямым ведет в школу.

Эшборо Флэйм является частной школой-пансионом. Местные ходят сюда, как в обычную школу, а чьи родители решили научить своих отпрысков самостоятельной жизни, проживают в резиденции. Это самое старое здание в городе и внешним видом оно напоминает небольшой замок.

В это время ворота школы естественно закрыты, но мы здесь не за тем, чтобы пройти. По крайней мере, я так думала.

– Идем. – Вив тянет меня за руку мимо кованых ворот к высокому каменному ограждению.

– Не говори, что мы полезем через стену, – остановившись, я наблюдаю, как Вив присматривается к ограждению, а затем находит какой-то клочок бумаги, запутанный в плюще.

– Не дрейфь, – с улыбкой говорит она и, выбросив клочок, начинает забираться на стену.

– И почему я думала, что будет легко? – со вздохом произношу я, продолжая наблюдать за тем, как белые кроссовки Вив мелькают в темноте, пока она карабкается по плющу.

Толстые каблучки на моих ботинках помогают мне хорошо уцепиться и не соскользнуть с зарослей. Несколько раз я цепляюсь колготками и чувствую, как на них образуются дыры.

Взобравшись на стену, я вижу раскинувшиеся перед нами кустарники и две беседки, утонувшие среди них. Неподалеку разносятся голоса и музыка.

– И где здесь вечеринка? – спрашиваю я Вивиан.

– Сейчас увидим, я сама не знаю, – отвечает она, всматриваясь в темноту.

Внезапно раздается шорох снизу.

– Прыгайте, – шепчет чей-то мужской голос. – Смелее.

Я качаю головой, глядя на Вив.

– Уверена, что нас поймают?

– Нет, – нервно отвечает она и, опираясь на ладони, спускает ноги, затем исчезает из виду.

Не глядя вниз, я продолжаю сидеть, свесив ноги, когда слышу снизу перешептывания. Судя по всему, ее все-таки поймали. Закрыв глаза, я отталкиваюсь руками и лечу вниз.

Меня ловят сильные руки, и от столкновения с другим телом у меня перехватывает дыхание.

– Поймал.

Никого другого я здесь и не ожидала увидеть.

– Спасибо, теперь можешь меня отпустить.

Но Кайден продолжает крепко держать мою талию, обвив ее руками. Наши лица слишком близко и на его даже в темноте я могу разглядеть скупающее выражение, с которым он расхаживает по школе.

Мне сложно описать свое отношение к этому парню. Он лучший друг моей лучшей подруги. С ним интересно, когда он о чем-то увлеченно говорит. Но это бывает так редко. Когда мы втроем, и Вив выходит из комнаты, мне хочется найти причину пойти следом. Мы настолько далеки друг от друга, что не можем быть даже друзьями.

Вся эта неловкость исходит лишь от меня, в то время как Кайден остается совершенно бесстрастным. И это меня раздражает. Не то чтобы мне хочется, чтобы он ко мне приставал, но... Банально, но его привлекательность все усложняет.

– Как скажешь. – С этими словами Кайден отходит от меня на пару шагов.

Рядом с нами Вивиан перешептывается с Эндрю Лестером, который, видимо, оказался здесь тем же способом, что и мы.

– Идемте, – чуть громче говорит Кайден.

Мы втроем следуем за ним, проходя мимо одной из беседок, где над потолком висит фонарь, и становится видна тропинка.

– Кай, точно все нормально? Нас ведь сразу вычислят.

Кайден на секунду поворачивает голову, чтобы скептически улыбнуться.

– Учителей нет, старосты вас не знают.

– Вот именно, что они нас не знают, – говорю я более резко, чем хотелось.

В этот раз Кайден даже не оборачивается, только едва слышно хмыкает.

– Он с этим разберется, – поддакивает Лестер, пытаясь схватить Вив за руку.

Мне нечем на это возразить. Да и зачем? Я здесь, и меня никто не заставлял перелезть через стену. Глупо даже воображать, что Кайден обладает в пансионе какой-то властью. Наверное, многие недалекие так и думают, но на самом деле все совсем не так. Да, можно сказать, что он пользуется привилегией – его мама работала здесь, в пансионе. Но... у кого повернется язык сказать так сейчас, ведь его мамы больше нет в живых?

Между жилой резиденцией и учебным зданием проходит длинная аллея, засаженная дубами. Мы проходим вдоль нее по газону к небольшому кафе, которое находится почти у самого учебного здания. Оттуда раздаются голоса и громкая музыка. Все-таки я думала, Кайден протащит нас в саму резиденцию.

– В пунше водка, – говорит Лестер. – Но его нужно выпить слишком много, чтобы хоть что-нибудь почувствовать.

– Любой ваш каприз, девочки, – взмахом руки Кайден пропускает нас вперед к дверям кафе, которые Лестер распаивает перед нами.

Внутри слишком тесно и душно, много шума и смеха. Вечеринка в честь Хэллоуина устроена лишь для ребят из пансиона, но кроме меня, Вив и Лестера, я вижу еще несколько знакомых лиц, которые живут в городе. Разнообразие костюмов режет глаза. На барной стойке стоят огромные тыквы, из которых валит дым. При виде этой картины Вивиан изумленно охает и тащит меня туда. Мы вливаемся в толпу, и именно так я начинаю терять счет времени.

Кайдена нет больше часа, и когда он появляется, я замечаю в нем что-то новенькое, но пока не могу сообразить, является ли это частью его сегодняшнего образа. С высоты своего роста он оглядывает толпу, затем замечает меня.

– Почему не веселишься? – Он встает рядом, опираясь на колоду головой, на которую точно так же опираюсь я.

– Только что закончила, – объясняю я, всем телом напрягаясь от его присутствия.

Над нами висят пластмассовые пауки и самодельная паутина. Вглядываясь в потолок, я стараюсь расслабиться.

– Не чувствуешь себя лицемеркой, Трейси?

Я поворачиваю голову, немного удивленная вопросом. Но, несмотря на грубость слов, на его лице улыбка. Кайден пробегается взглядом по моему костюму и, протянув руку, слегка дергает за один из хвостов.

Наконец-то уловив смысл, мне с трудом удается справиться с улыбкой.

– Если честно, то да, чувствую.

Как-то после уроков мы втроем спорили до посинения о фильмах, и речь естественно зашла о самых обожаемых практически всеми. Я смело заявила, что не поклонница подобного жанра и искренне не понимаю этого всеобщего поклонения.

Теперь я стою здесь в крошечных черных шортах, клетчатых и местами рваных колготках. Кайден продолжает смотреть на меня изучающим взглядом. Его глаза задерживаются на оголенном участке кожи между ремнем шорт и белым топом. Да, я не поклонница, но мне нравится образ. И все-таки у меня огромное желание оправдаться перед ним.

– Это все Вивиан.

Малодушно, но это чистая правда. Это была ее идея.

Кайден кивает, явно поверив моим словам, и отводит взгляд. Мы стоим достаточно близко друг к другу, чтобы я смогла почувствовать запах его кожи. Растрепанные темные волосы падают ему на глаза, на выпирающих скулах можно разглядеть едва заметную щетину. Увидев его впервые в начале прошлого года, я думала он старше.

Повернувшись ко мне снова, он ловит меня за подглядыванием, и я слишком быстро отвожу глаза.

– Да, да, – усмехаясь, говорит он. – Не согласишься, но мой прикид тоже идея Вив.

И только сейчас я замечаю, что его темный плащ отликает фиолетовым оттенком, а из кармана торчит дуло пластмассового пистолета. Но это все, что может натолкнуть на мысль о его сегодняшнем образе. Никаких зеленых волос или железных накладок на зубах.

Найдя взглядом подругу, я замечаю ее стоящей у одного из кожаных сидений. Она болтает с Рэйвен, а Лестер, сидящий напротив них, не сводит глаз с ее короткой чирлидерской юбки.

Мне вполне понятна одержимость Вивиан свести меня и Кайдена, мы ее лучшие друзья. Но я знаю, что из этого ничего не выйдет. Даже не стоит задумываться над вопросом, почему? Не выйдет и все.

Кайден следит за моим взглядом, затем снова смотрит на меня. Что они говорят обо мне, я не решаюсь спросить. Наверняка, он отмахивается от Вив, мол, я ему не нравлюсь и это

плохая идея. Все дальше запутываясь в своих мыслях, я начинаю чувствовать прилив тошноты. Мне кажется, что он уверен в том, что это я прошу Вивиан сводить нас.

– Наверное, пора уходить, пока есть такая возможность, – слишком наигранно говорю я, оглядываясь.

Кайден отталкивается спиной от колоды и преграждает мне дорогу.

– Успокойся, Трейс, никто тебя не выгонит. – В его голосе все та же ленивая расслабленность, а на лице отсутствие эмоций.

Я ничего не отвечаю, потому что ощущаю какое-то странное изменение обстановки.

Почти все смотрят на нас. Пару минут назад никто на нас не обращал внимания, так как в школе мы часто появляемся вдвоем, а сейчас все взгляды обращены на меня и Кайдена.

«Мне нужен гангстер, который будет любить меня» – слова проносятся по всему тесному помещению, вызывая восторг у толпы.

Кайден слегка закатывает глаза и оглядывается назад. Я смотрю туда же, где Вивиан стоит у противоположной стены рядом со стереосистемой и невинно машет нам рукой.

Мне не нравится это внимание, и прямо сейчас я готова растерзать свою лучшую подругу.

Кайден снова смотрит на меня и пожимает плечами.

– Нужно дать им то, что они хотят.

После этих слов он снимает свой плащ и футболку. Я стою и наблюдаю за его действиями почти с разинутым ртом. Затем он снова надевает плащ на свое подтянутое худощавое тело и улыбается на несколько брошенных в его сторону комментариев.

– Я не стану изображать клоуна, – заявляю я, когда он протягивает мне руку.

Кайден бесцеремонно хватается за талию и тащит в глубь танцующих.

– Я больной суперзлодей, а ты принадлежишь мне, – шепчет он мне на ухо, начиная медленно раскачиваться под музыку. – Так что помолчи.

Повинуясь, я позволяю ему кружить меня под возгласы учеников. Но меня задело то, как легко он меня заткнул. Желая расквитаться, я убираю одну руку с его плеча и лезу в карман своей сине-красной ветровки. Нашупав помаду, я демонстрирую ее Кайдену.

– Чего-то не хватает.

Он замедляется и пристально смотрит на меня. Не теряя ни секунды, я открываю колпачок красной помады и с огромным наслаждением провожу ей по его плотно сомкнутым губам и дальше по щекам.

Довольная результатом, я насмешливо любуюсь своей работой.

– Теперь ты мне нравишься. Наконец-то ты улыбаешься.

В глазах Кайдена появляется что-то похожее на злость, но он быстро с ней справляется и опускает взгляд.

Неужели мои слова его зацепили?

Он теснее прижимает меня к своей груди, затем проводит большим пальцем по своей нижней губе. Когда после этого он прижимает этот же палец уже к *моей* нижней губе, от неожиданности я приоткрываю рот. Кайден намеренно размазывает помаду от моей губы почти до самого подбородка и невесело ухмыляется.

– Так лучше.

Песня заканчивается, и он резко отпускает меня и уходит, оставив одну посередине импровизированного танцпола.

Все еще приходя в себя от нашего тесного контакта, я возвращаюсь на прежнее место. Вивиан в считанные секунды оказывается рядом со мной.

– Это было так горячо.

Я смотрю на нее и качаю головой.

– Не делай так больше.

Улыбка на лице Вивиан моментально меркнет.

– Что он тебе сказал?

– Ничего.

– Трейси...

– Он ничего не сказал, Вив, – обрываю я ее. – Прекрати это. Ты знаешь, о чем я.

Поджав губы, Вивиан встает на место, где стоял Кайдэн и несколько секунд молчит, уставившись в пол.

– Мой сегодняшний план мне казался идеальным, – наконец-то говорит она. – Я, правда, не хотела давить. Но я бы не стала искать способов свести вас, если бы заметила в тебе хоть каплю того негатива или раздражения к нему, о котором ты говоришь.

Прикусив нижнюю губу, я ненамеренно слизываю помаду и вздыхаю. Мне никогда не удавалось скрывать свои чувства и прятать их под чем-то другим.

– Все равно ничего не выйдет.

– Почему ты так в этом уверена? – возмущается Вивиан слишком громко, привлекая к нам внимание.

– Потому.

– Почему?

– А почему люди уверены в том, что земля имеет шарообразную форму? – Я слегка наклоняю голову набок. – Потому что этому есть доказательства.

Вивиан морщится, скорчив рожицу.

– Я поняла, что ты имеешь в виду, но пример ты подобрала неудачный.

Она права. Я снова вздыхаю.

– Ну и ладно. Главное ты поняла.

Подруга берет меня за руку и просит немного наклониться, так как я значительно превосхожу ее в росте.

– Сейчас он это не он. Ему кто-то нужен.

Мне трудно и даже страшно представить, через что сейчас проходит Кайдэн. Я плохо его знала до того, как он стал другим.

– Кто-то, но не я.

Мы буравим друг друга взглядами несколько секунд, пока Вив не окликают. Мы вместе смотрим на стоящего возле одного из столиков Лестера.

Я рада закрыть эту тему, поэтому тут же выпаливаю вопрос:

– Лестер?

Вивиан пожимает плечами.

– Еще не знаю.

– Я думала у тебя есть вкус.

Вив откидывает голову с тихим стоном.

– Будь ко мне добра. Я совсем недавно рассталась с парнем.

– Через Фейсбук, – безжалостно добавляю я.

На этот раз подруга не сдерживает смеха.

– Да уж, было драматично.

Мы обсуждаем парней еще некоторое время, пока вечеринка не начинает заметно сбавлять темп. Старосты пансиона объявляют расход всех по комнатам, и мы с Лестером и Вив незаметно отделяемся от толпы и выскакиваем на улицу. Лестер пишет Кайдэну, но тот не отвечает. Он помогает нам перелезть через стену, и Вивиан заявляет, что они должны проводить меня.

Мой дом находится фактически за городом. Недалеко от реки и лесопилки. Нужно немало пройти по лесу. О машине я даже не думала, когда собиралась на вечеринку. Этой ночью даже в крошечном Эшборо полно полиции на дорогах.

Лестер много болтает, пока мы идем вдоль улицы и сворачиваем к лесу. Внезапно позади нас слышатся быстрые шаги. Ночь лунная, поэтому в приближающейся высокой фигуре я быстро узнаю Кайдена.

– Где пропал, чувак? – Лестер делает шаг к нему.

– Задержали, – неохотно отвечает Кайден. – Все нормально?

– Да, – отвечает Вивиан. – Зачем она тебе?

Она указывает на битую, которую Кайден крутит в руках. Не отвечая ей, он смотрит на меня. На его лице уже нет помады.

– Недостающий атрибут.

– О. – Вивиан игнорирует мой пристальный взгляд и отходит от нас на пару шагов.

– Знаете что? Вы идите, ребята. Я устала. Лестер, проводишь меня?

Тот едва ли не пулей срывается с места следом за ней. На полпути его перехватывает Кайден, сжав в кулак край его куртки.

– Держи себя в руках.

Лестер кивает.

– Все нормально, друг.

Я провожаю улыбающуюся мне Вивиан злобным взглядом. Мне совсем не нравится эта ситуация.

– Идем, – спокойно говорит Кайден.

Я молча иду следом за ним, когда мы выходим на лесную хорошо протоптанную тропинку. Ночные звуки окутывают нас таинственностью, что вполне атмосферно в сегодняшнюю ночь.

– Не хочешь взять? – Кайден поворачивается и протягивает мне битую.

Не сдержавшись от улыбки, я беру предложенную битую и закидываю ее на плечо, дерзко вздернув подбородок.

Кайден тихо смеется.

– Ты смотрела этот фильм.

Ну, конечно смотрела. Но это еще ничего не значит.

Так как это не было вопросом, я ничего не говорю. Лишь спустя несколько молчаливых секунд задаю вопрос, который хотела задать еще в самом начале сегодняшнего вечера, заметив кое-что новое в его внешности:

– Зачем ты проткнул обе мочки?

Нет, ему идут эти сверкающие кристаллики в обеих мочках, но уж слишком не связываются с его образом.

– На спор, – отвечает Кайден, продолжая идти впереди меня. Его плащ, длиной до колен, постоянно цепляется за ветки деревьев, создавая больше шума.

– Тебе идет.

Несколько секунд он молчит, продолжая идти, но затем резко останавливается. Я торможу прямо за его спиной. Он медленно поворачивается и смотрит на меня вдумчивым и долгим взглядом.

– Я снова сказала что-то не то? – глядя на его лицо, интересуюсь я.

Кайден едва заметно дергает в сторону подбородком.

– Трейси, – начинает он говорить слишком тихо. Мне приходится вытянуть шею, чтобы услышать. – Ты симпатичная и милая, но... пойми, – он вздыхает, – ничего не получится.

Вся кровь разом приливает к моему лицу. От возмущения я отшатываюсь. Но Кайден принимает мой ступор за обиду от отказа чего-то там надуманного им же.

– Что ты сказал? – Каким-то способом я нахожу в себе силы не сорваться и не заехать по его виноватой физиономии.

– Просто хочу все прояснить для тебя сразу, чтобы ты... – он замолкает и в недоумении смотрит на то, как я широко улыбаюсь и снова закидываю биту на плечо.

– Продолжай, – подначиваю его.

Но Кайден молчит.

Устав от этой тишины, я с силой пихаю ему биту в руки и говорю прямо в лицо:

– Самодовольный придурок. С чего ты решил, что я чего-то от тебя хочу?

Я устала. Мне надоело теряться в его присутствии, будто от него зависит моя уверенность в себе. Да, он нравится мне внешне, а что такого? Кому не понравится высокий, мускулистый и выделяющийся на фоне своих сверстников, парень, играющий в хоккей?

Но это не значит, что я мечтаю о нем, и тем более не значит, что у меня к нему какие-то чувства!

Именно этого я и опасалась, когда говорила Вивиан прекратить попытки слепить из нас пару.

Слишком разозленная я быстрыми шагами иду по тропинке и сквозь проступающие ветви деревьев вижу огни дома.

– Трейси, стой! – Кайден появляется рядом со мной и хватается за руку. – Да остановись же ты.

Сдавшись, я делаю, как он просил и смотрю на него. Нет, моя раздраженность не напускающая. Он меня действительно раздражает. Особенно сейчас.

– Что?

– Я неправильно понял, – объясняет он. – Вив постоянно говорит о тебе, о том какая ты классная и все в этом роде.

– И ты сделал вывод, что это я ее попросила?

Судя по виноватому выражению его лица, именно так он и думал.

– Невероятно, – фыркаю я и продолжаю идти. – Можешь возвращаться и воображать дальше, что каждая девочка в школе спит и видит тебя рядом с собой.

– Да ладно, перестань. Я такого не воображаю – Как ни в чем не бывало Кайден появляется рядом и подстраивается под мой шаг.

Повернув голову, я ухмыляюсь:

– Верится с трудом.

– Трейс, подожди. – Кайден осторожно хватается меня за запястье. – Я неправильно понял, прости.

Искренность в его глазах заставляет меня немного расслабиться.

– Когда Вив устроила для нас сегодня эту сцену я сказала, чтобы она прекратила. И сказала это твоими же словами: «ничего не получится».

– Правда? – его голос едва слышен.

Я киваю.

Не знаю, почему я так сильно разозлилась. Но меня это задело.

Мы продолжаем так стоять, и Кайден отпускает мою руку.

– Неловко, правда?

Какое неудачное слово он подобрал, но вслух я говорю другое:

– Верни.

Улыбнувшись, он протягивает мне биту. Я перекидываю ее из руки в руки и поднимаю на него глаза.

– Где ты ее взял?

Кайден отмахивается.

– Неважно. Так ты не злишься?

– Злюсь, – отвечаю я.

Он поднимает руку и почесывает затылок. Под плащом на нем снова футболка, которая высоко задирается от его движений.

– Хочу еще кое-что прояснить, – видя мои снова округляющиеся глаза, Кайден поднимает ладони в защитном жесте. – Ничего такого, мне нужно это сказать.

Выдохнув, я устало опускаю плечи.

– Давай.

– Выслушай до конца, прежде чем решить мне зарядить, – начинает Кайден. Дождавшись от меня слабой улыбки, он продолжает: – Даже если бы я оказался прав, то я решил сказать тебе то, что сказал, не потому что ты мне не интересна, как девушка.

Думаю, я понимаю, что он пытается до меня донести. И мне приятна мысль, что ему в принципе не все равно, что я думаю. Ведь его мало, что волнует.

– Понимаю, – говорю я. – Но друзья тебе нужны.

Кайден молча прожигает меня взглядом.

– Нужны. Давай я тебя все-таки провожу.

Спустя несколько молчаливых минут мы оказываемся у ворот моего дома. Тусклый свет освещает подъездную дорожку.

– Мы немало времени провели вместе, а так и не научились общаться друг с другом без Вив, – говорю я, глядя в темноту леса.

Кайден кивает, соглашаясь с моими словами.

– Ты права.

Борясь с желанием сказать, я опускаю битую на землю и начинаю вырисовывать на земле круг.

– Теперь, когда мы выяснили, что я не схожу по тебе с ума, мы можем нормально общаться.

– Да, мы можем, – едва заметно улыбнувшись, отвечает Кайден.

Все-таки я не могу справиться с тем, что рвется наружу. Я должна это сказать.

– Ты можешь со мной поговорить, если тебе нужно.

Судя по его реакции, когда я нарисовала улыбку на его лице, он может отреагировать, как угодно. Но я не хочу терять эту связь между нами, которая появилась этой ночью. Мы должны общаться. Мне искренне жаль видеть его таким.

Широкие плечи Кайдена напрягаются. Он поднимает голову вверх и всматривается в небо.

– Это не так просто, – тихо говорит он.

Вздохнув от облегчения, я указываю в сторону.

– Пошли.

Убедившись, что он идет за мной, я прохожу вдоль металлического забора и останавливаюсь рядом с едва заметной среди кустарников деревянной калитки. Задний двор почти ничем не освещен, но от слабой подсветки бассейна можно разглядеть тень моего летнего домика.

– Видишь этот домик?

Кайден ухватывается пальцами за деревянную калитку, всматриваясь в указанное мной место.

– Вижу.

– Я практически постоянно там. Если увидишь свет от свечи в окне, значит, я там.

– От свечи? – Кайден переводит на меня заинтересованный взгляд. – Надеюсь, ты там не духов вызываешь?

Услышав иронию в его вопросе, я выгибаю бровь и угрожающе приподнимаю битую.

– Не вызываю, а изгоняю. Я хочу сказать, что... – запнувшись на полуслове, я подбираю слова.

Мне бы не хотелось, чтобы он подумал лишнего. Что может подумать парень, когда девушка намекает ему на то, что часто остается в летнем домике одна?

Вивиан говорила мне, что Кайден едва ли не каждый вечер сбегает из пансиона. Где он бывает, он не говорит. Он проходит тяжелый этап, и если ему невыносимо быть там, я могу предложить быть здесь.

– Если захочешь поговорить, я здесь. – Я вновь указываю на свой домик. – Если тебе не хочется молчать в одиночестве, я тоже здесь. Даже если хочешь просто поспать, пожалуйста.

Долгие мучительные секунды Кайден молчит. О чем он думает, понятия не имею. Остается только надеяться, что он мыслит в правильном направлении, учитывая нашу недавнюю стычку.

Ему не нужно быть одному. Это все, что я пытаюсь до него донести.

– Спасибо, Трейси, – наконец говорит Кайден. Он сжимает мою руку и, сделав пару шагов вперед спиной, медленно поворачивается. – Приятных снов, несмотря на ужасы Хэллоуина.

Я улыбаюсь ему вслед.

– И тебе приятных снов, Кай, несмотря на ужас, через который проходишь ты.

Но он уже не слышит моих последних слов.

Глава 2

Кайден

16 апреля, год назад

Наверное, каждый хоть раз в своей жизни задавал себе вопрос: а хороший ли я человек?

И тут как пойдет. Начинается самокопание. В младшей школе украл у своего друга трансформера и, испугавшись собственных же действий, закопал игрушку на заднем дворе. Стыдно было отдавать обратно, и трусость брала вверх признания вины. В средней школе друзья взяли на слабо – разрисовать машину тренера Уорда за то, что заставил наворачивать круги по стадиону после тренировки.

В первом случае это был не я, а мой друг. Во втором – я. Делает ли это нас плохими людьми?

Черт, нет, конечно. Есть вещи похуже.

Именно сейчас я задаю себе этот вопрос, и мне даже не приходится задумываться над ответом. Определенно нет. Я не хороший человек.

На кухне слышится возня и тихие шаги, но я боюсь даже поднять голову. Она кажется свинцовой. Сидя на полу с опущенной между ног головой, я сильнее цепляюсь за свои волосы, чтобы увеличить физическую боль. Но даже если на меня свалится бетонная плита, это не сравнится с тупой болезненной пыткой, которую я ощущаю в груди.

Что я наделал?

– Поднимайся. Достаточно себя винить. – Тихий голос моего друга детства раздается совсем рядом, и от неожиданности я дергаюсь.

Взяв всю волю в кулак, я поднимаю голову. Голубые глаза Вивиан смотрят на меня с пониманием и сожалением. Она протягивает руку, но я не решаюсь ее взять.

– Кайден, прошу тебя, – снова просит она.

Только встав на ноги, я вдруг резко ощущаю ужасное похмелье. Отлично.

– Зачем ты мне позволила?

Почему я так спросил? Словно я считаю виноватой именно ее.

Вивиан вздыхает и молча сует мне полотенце в руки.

– Ни слова. Иди в душ.

– Прости.

– Иди.

Едва не падая, я принимаю душ и надеваю чистые вещи, которые Вивиан, очевидно, забросила в стирку еще ночью. Осознание этого факта прибавляет и без того огромную порцию горечи к моей вине.

Снова спустившись вниз, я вижу Вив, сидящую за высокой кухонной стойкой. Перед ней стакан шоколадного молока, а напротив дымящиеся вафли.

У меня сводит желудок. И это не от голода.

– Тебе нужно позавтракать, – спокойно говорит она, не глядя на меня.

Я сажусь напротив нее и набиваю рот. Не помню, когда я ел домашние вафли.

– Спасибо, очень вкусно, – хрипло говорю я, прожевав.

Мы не смотрим друг на друга.

– И за вещи спасибо.

Никогда не говорил столько «спасибо» Вивиан. Она друг, которому не нужно это говорить. Мы жили в разных пригородах, но виделись так часто, что не замечали расстояния. Я

знаю ее всю свою жизнь. Наши родители дружили так, что назначали совместные даты на отпуск, чтобы мы могли поехать все вместе. Но мы никогда не были такой парочкой друзей, которые бы придумывали «мост в Терабитию», у меня всегда была своя компания парней, у Вив подружки. Мы не делились подробностями о своем опыте, но мы дружили. Всегда.

Многое изменилось, мы выросли, но по-прежнему дружим. То есть... наверное, уже дружили.

Меня начинает тошнить. Сорвавшись с места, я несусь к ванной на первом этаже и падаю на колени перед унитазом. После нескольких болезненных спазмов мой желудок снова пуст. Слив воду, я сажусь на пол и прикасаюсь к мокрому от холодного пота лбу.

Господи, в какое дерьмо я превратился?

Вивиан естественно уже здесь. Она прикладывает мокрое полотенце к моему лбу и садится рядом. В маленькой ванной пахнет моей рвотой, да и меня сейчас она должна ненавидеть. Но она здесь. Я вообще сомневаюсь, что Вив способна на ненависть.

– Боже, что ты пил, Кайден?

Я не знаю, что я пил. Это был алкоголь, и этого для меня было достаточно.

– Ты возилась со мной весь вечер, а потом... – я издаю глухой стон, сильнее ударившись головой о кафельную стену. – Вив, почему ты не прогонишь меня?

Она молчит несколько секунд.

– А ты бы прогнал меня? Что ты вообще говоришь?

Я снова решаюсь посмотреть ей в глаза. Она права.

– Просто скажи, что мне сделать, – шепотом прошу я.

Рука Вив касается моего лба.

– Никогда не говорить об этом.

Я могу ей это обещать, но только после того, как наберусь смелости обсудить.

– Как я...? Что я сказал, прежде?

Вивиан склоняет голову к полу.

– Ничего. Тебе было больно.

От сухости во рту мне больно глотать. Сделав еще пару попыток, я морщусь. Боже, я даже ничего толком не помню. Проснувшись, перед глазами стояли смутные обрывки, но у меня хватило рассудка восстановить полноценную картину.

Мы не должны были этого делать. Я не должен был этого делать.

Я не произнесу это вслух, потому что это прозвучит, как обвинение. А виноват здесь только я.

– А тебе? – повернув голову, я внимательно смотрю на Вив.

Она понимает, что именно я имею в виду.

– Кайден, я не...

– Да, – обрываю ее я. – Знаю, но все же.

Вивиан отводит взгляд, и мое сердце в который раз подскакивает к горлу. Я тупой и пьяный ублюдок.

– Ты просил сказать, что тебе сделать, – видя мое изменившееся лицо, говорит Вив. – И я просила не говорить об этом.

– Но...

– Я сказала хватит! – Вивиан резко поднимается и смотрит на меня сверху вниз. – Приди уже в себя. Мы не будем об этом говорить. Никогда, слышишь? Да мы даже не целов...

Она запинаясь на полуслове и с ужасом смотрит на меня. Но поздно. Я услышал и все понял. Значит, все было намного хуже, чем я представлял.

Следующие полчаса я довожу Вивиан до состояния нервоза своими бесконечными извинениями. Да, дерьма хватает в моей жизни, во многом я виноват сам, у меня нет силы воли,

храбрости, да черт возьми, я жалеющий себя жалкий неудачник. Единственное, что я хотел, чтобы были люди, которые бы не видели эти мои уродливые стороны.

Но таких людей нет.

Я собираюсь уходить в тот момент, когда возвращается Саймон. Он дядя Вивиан, который старше нас всего на полтора года, и приезжает сюда к своей сестре примерно один или пару раз в год. Мы сразу нашли общий язык, впервые познакомившись два года назад. С Саймоном легко. Он не напрягает и не жалеет.

Поэтому всю эту неделю, что он был здесь, мы развлекались, как только могли.

– Черт, чувак, ты еще жив. – Саймон заваливается на диван и довольно улыбается.

На нем вчерашняя одежда, на голове шапка, из-под которой торчат темные до плеч волосы.

Поскольку ему никто не отвечает, Саймон поднимает голову и смотрит на нас с Вив, стоящих возле кухни.

– Что с вашими лицами?

– А что с твоим? – парирует Вив.

Саймон выгибает бровь.

– С моим-то все понятно, а вот на ваших рожах что-то другое.

Несмотря на свою упертую бесшабашность, Саймон не так прост, как кажется на первый взгляд.

– Что вы делали? – снова настороженно интересуется он, внимательно всматриваясь в наши лица.

Вивиан всплескивает руками.

– Серьезно? Я отчитывала Кайдена за то, что он связался с тобой, милый дядя. Ты же знаешь, что ты плохой пример.

Саймон все еще подозрительно смотрит на нее, затем на меня. Я отворачиваю голову в сторону. Но затем он хмыкает и с тихим вздохом скидывает обувь.

– Мне нужен завтрак, Вив. Будь душкой.

От возмущения Вив вспыхивает. Саймон никак на это не реагирует. Все так же лежа на диване он наблюдает за мной. Я чувствую его взгляд, пока медленно брожу по гостиной и собираю свои вещи. Мой телефон лежит на широком деревянном подоконнике, хоккейная куртка со школьной эмблемой небрежно перекинута через подлокотник кресла.

Вчерашняя вечеринка уже больше не кажется реальностью. Впрочем, именно такого эффекта я и добивался прошлой ночью. И что мне это дало?

– Вернешься в пансион сегодня? – интересуется Вив, провожая меня до двери.

Я неловко машу на прощание Саймону и игнорирую его странный взгляд.

– Да, наверное, – не глядя на нее, отвечаю я.

Уже на крыльце я надеваю куртку и оборачиваюсь. Мне не хочется смотреть в глаза своему другу. Я трус.

– Увидимся в школе и...

– Да, увидимся в школе, – резко прерывает меня Вивиан.

Кивнув, я с тяжелым сердцем спускаюсь с высокого крыльца, который построил мистер Роббинс – отец Вив.

Их дом всегда был моим едва ли не вторым домом, но с недавнего времени находиться здесь стало для меня невыносимым. И после сегодняшней ночи это чувство усилилось в миллионы раз.

Возвращаться в пансион не входит в мои сегодняшние планы. Уходя оттуда вчера я даже не помню выписывался ли на выходные. Для этого мне нужна была подпись моего официального опекуна, но так как моей тети по большей части плевать, чем я занимаюсь и как учусь, я просто-напросто подделываю ее.

Не знаю, сколько еще меня продержат в этой школе. Никто не станет больше терпеть мои выходки столько времени – я понимаю это. Прошел год и каждому терпению приходит конец. Сейчас с неясной, но хотя бы трезвой головой на плечах, я понимаю, что обязан продержаться до выпускного класса. Меня перевели из обычной школы соседнего городка Мэйпл Ридж в частую Эшборо Флэйм не для того, чтобы я впустую тратил здесь время.

Черт возьми, мама была бы в ужасе, видя меня сейчас таким. А отец... отец бы так разочаровался.

Нахлынувшие воспоминания подкашивают ноги, и я едва ли не падаю на тротуар, вытянув их перед собой.

На улице никого нет и от дома Роббинсов я отошел достаточно далеко, чтобы опасаться, что кто-нибудь из них меня может увидеть. Но есть вероятность натолкнуться на ребят из школы: как и местных, которые ходят в Эшборо Флэйм только на занятия, так и на таких же как я, живущих в пансионе.

Я злюсь на самого себя за жалость к себе же. Меня раздрает на части, и я словно побитый пес, чувствующий вину за все, что происходит со мной, но не в силах это исправить.

Поднявшись с тротуара, я надеваю капюшон и засовываю руки в синюю хоккейную куртку. Там лежат две скомканные десятки, поэтому я решаю пойти в кафе, убить время и оттянуть возвращение в пансион. Возможно, уже сегодня позвонят моей тете, а мне скажут собирать вещи. Я этого не исключаю.

Моя мама устроилась в пансион дежурным воспитателем и через некоторое время они с папой решили устроить в эту школу меня. Я был рад такой перспективе, ведь здесь одна из лучших хоккейных программ в провинции, да и перемены меня на тот момент приводили в щенячий восторг. Мои родители готовились продать дом в Мэйпл Ридж и переехать в Эшборо, и мне бы не пришлось жить в пансионе. Папа планировал уйти из страховой компании, в которой работал, и открыть свое собственное дело.

Но они не успели сделать ничего из этого.

Я остался в пансионе, страховка пошла на мое дальнейшее здесь обучение. Родители Вив – Алекс и Джиллиан – почти умоляли меня остаться с ними. Они просили об этом тетю, которая стала моим опекуном после случившегося, но ее мало волновало это. Я же упирался, так как все еще не могу перестать жалеть себя, глядя на их счастливую семью.

Возможно, мне еще нужно время. Больше и больше, но я не хочу быть неблагодарным идиотом, поэтому мои редкие визиты хоть как-то успокаивают их, когда они видят меня.

Уже больше часа я сижу в углу за круглым пластмассовым столиком в небольшом кафе «Нэнси» и бездумно лажу на YouTube. Здесь все время играет какое-нибудь инди и пахнет выпечкой. Я игнорирую несколько сообщений от тех, с кем тусовался полночи. Так же не отвечаю на сообщение от Гейла, который дежурил вчера, когда я уходил. Он хороший парень, и я здорово его подставляю. Подумав об этом, я все же отвечаю, что все под контролем, и чтобы он не парился.

Внезапно передо мной появляется молодая девушка с кофейником в руках. Она молча наливает горячий кофе в мою чашку и мило улыбается.

– За счет заведения. Тебе не мешает еще одна.

Я не в том настроении, чтобы флиртовать, но все же подмигиваю симпатичной черноволосой официантке.

– Спасибо, красотка.

Она шире улыбается и мечется между тем, чтобы вернуться к работе или остаться и поговорить со мной. Как и любому парню мне льстит внимание девушек. Я не делаю зарубки на своей кровати или чего-то подобного, но у меня никогда не было проблем с противоположным полом.

– Ты кого-то ждешь? – склонив голову набок, интересуется она.

Я пробегаюсь взглядом по ее фигуре, затем возвращаюсь к лицу. Внезапная волна тошноты проносится по всему моему телу. Я начинаю потеть.

Боже...

– Нет, – резко отвечаю я, отвернувшись.

Вся моя недавняя, пусть и наигранная, приветливость мигом испаряется. Кого я пытаюсь обдурить сейчас?

Девушка мигом меняется в лице. Я даже не извиняюсь за свое поганое поведение.

Когда она уходит, я, стиснув зубы, смотрю в широкое панорамное окно, на котором нарисованы чашки кофе и булочки. На противоположной стороне улицы мое внимание привлекает девушка, выходящая из маленького хозяйственного магазинчика. Прямые длинные волосы цвета пепла могут принадлежать лишь одной из тех, кого я знаю. В руках Трейси держит маленькую сумочку и пакет. Оглядевшись по сторонам, она быстрыми шагами переходит дорогу и направляется прямо сюда.

Я всегда смотрел на Трейси Данэм сквозь пальцы. Лучшая подруга Вив и только. Мы много времени проводили втроем, но не вдвоем и по большей части я совсем ее не знаю. Вив отчаянно пыталась нас свести, постоянно болтая о ней и расспрашивая меня, что я думаю о Трейси. Вечно занятый своими жалкими попытками забыться я даже и не думал о том, чтобы завести серьезные отношения с девушкой. В ту ночь на Хэллоуин, когда я провожал Трейси, я решил сказать то, что говорил Вив. У нас с Трейси ничего не получится. У меня не самое лучшее время для этого.

Но когда я увидел в глазах Трейси смех, а затем и гнев, я почувствовал себя огромнейшим идиотом. Я действительно думал, что нравлюсь ей и все это сводничество было с ее подачи.

Я облажался. Трейси оказалась немного другой. Она не хотела со мной встречаться и так же была против этой идеи. Это должно было стать для меня облечением, но странным образом не стало. Мое чертово эго было задето, но я смогу с этим жить.

Та ночь была странной самой по себе. Впервые за все время, что мы знакомы, я увидел ее эмоции, ее отношение ко мне. В ее глазах была жалость, но не та, что заставляет тебя чувствовать себя ничтожным. В какой-то степени она предложила помощь, но я так и не воспользовался ей. После того единственного разговора все вернулось на круги своя. Между нами ничего не изменилось, потому что я и не пытался что-то изменить.

Сейчас Трейси заходит в «Нэнси» и улыбается той самой официантке, которой я нагрубил. Вся в черном, но что-то в этом есть. Черная футболка с каким-то рисунком заправлена в короткую черную юбку, на которой два ремня с ремешками в виде пентаграмм, на невероятно длинных ногах черные колготки. Ее образ заканчивается ботинками на толстой подошве. Хм, тоже черные. Несмотря на мрачную одежду и слишком яркий мэйк-ап, все в ее образе идеально. Она в своей шкуре.

Я иногда слышу, как многие девчонки в школе болтают о Трейси и ее стиле. Называют готкой или эмо, но Трейси никогда не обращает на это внимания. Ее независимость может быть примером. А болтовня одноклассниц – атрибут любой школы.

Пока раздумываю над тем, что знаю о Трейси Данэм, она уже уходит. Я уже вижу ее за закрытой прозрачной дверью, ее серые волосы слегка развиваются на ветру.

Она не заметила меня.

Мобильный снова издает сигнал, и я читаю сообщение.

ЛЕСТЕР: *Где тебя носит, бро?? Вэйча нет. Новенький злой, как черт.*

Я со стоном закрываю глаза. Черт. Я совсем забыл про тренировку. Мне нравится наш новый второй тренер, который здорово работает с нападающими. Он играл за колледж Торонто

и в юниорской лиге Онтарио до этого. Поэтому мы все смотрели на него с открытыми ртами, когда он пришел тренировать нас. Ну, то есть такие парни должны покорять НХЛ, но он здесь, и это еще раз доказывает уникальность этой школы.

Мне совсем не хочется быть в опале, но прямо сейчас тренировка – это последнее место, где я хочу быть.

Выдернув зарядку из розетки рядом со столиком, я осушаю чашку кофе, и чтобы хоть как-то загладить свою вину за грубость, кладу оставшуюся у себя в кармане наличку на стол. Выйдя на улицу, я попадаю под апрельский слабый ветерок. Над Эшборо висят тяжелые тучи, но они несутся по небу слишком быстро, чтобы хоть немного успеть промочить землю.

Сумерки медленно сменяются темнотой, а я бреду по улицам, отчаянно пытаюсь вспомнить или придумать место, где я хочу сейчас быть.

Этим местом оказывается большой дом Трейси. Не буквально, но сейчас стою напротив него.

Не знаю, зачем я сюда пришел. Трейси что-то говорила о том, что, если мне нужно будет место даже, чтобы помолчать, я могу прийти сюда. Не думаю, что она забыла об этом, но будет удивлена, что я решился воспользоваться ее предложением столько месяцев спустя.

Стоя на некотором расстоянии перед широкой подъездной дорожкой большого коттеджа, утопающего в лесной растительности, я вижу яркий свет на первом и втором этажах. Ничего не слышно, кроме ночных звуков: уханья сов, шелеста хвойных деревьев от легкого ветра. Неподалеку лесопилка, и это единственное оживленное место, находящееся рядом с коттеджем. Ни соседей, вообще ничего вокруг.

Возможно, это плохая идея и мне лучше уйти. С чего я вдруг решил, что после этих месяцев Трейси будет хотеть общаться со мной, как мы и договаривались? Я тогда сказал, что мы можем, но ничего для этого не сделал. Быть может, мое ужасное поведение за эти месяцы совсем отвратило ее от меня. Проблема в том, что я не знаю.

Черт возьми, я даже не подумал о том, что Трейси может уже знать от Вив, какой я ужасный человек. Как я могу все портить и втапывать в грязь дружбу, используя друзей.

К горлу снова подкатывает тошнота от этих воспоминаний, и все же я продолжаю стоять на месте. Нет, мне нужно услышать о том, что я наделал и дальше ненавидеть себя.

Обойдя небольшую площадь, окружающую забором, я оказываюсь около маленькой деревянной калитки. Отсюда дом виден сбоку. Я нерешительно открываю калитку, и она практически без малейшего звука поддается. С этой стороны двор почти не освещен, но туч уже нет, поэтому луна освещает мне дорогу. С каждым шагом стук моего сердца становится громче. Летний домик, на который указывала Трейси, представляет собой небольшое деревянное строение с красной двускатной крышей, которая образует целых три конструкции. Не решусь предположить, в каком стиле, так как ни черта в этом не смыслю, но могу точно сказать, что этот домик в стиле Трейси. Есть в нем что-то загадочное. В его окнах нет света свечи. Там никого нет и мне лучше уйти.

Внезапно прохладный воздух пререзает яркий свет. От неожиданности я замираю и поднимаю голову. Коттедж находится не слишком близко от домика, но я все равно отчетливо вижу силуэт, стоящий прямо перед окном на втором этаже. Это не просто окно, а практически целая стеклянная стена. Трейси стоит прямо перед ней. Ее пепельные волосы струятся по обнаженной спине, когда она качает головой, сняв с себя футболку.

Я отступаю за ближайший кустарник, хотя шанс, что она меня здесь вообще увидит, слишком мал.

Если бы я знал, что я здесь увижу, пришел бы уже давно. Почему я не замечал, насколько ее ноги длинные и изящные, насколько тонкая ее талия и грациозны движения?

Она стоит ко мне спиной, поэтому я не вижу больше, чем ее талия и спина. Затем она исчезает из виду и все снова погружает во тьму.

Мой телефон снова гудит, и я раздраженно отключаю звук. Сердце не прекращает громко биться от того, что я здесь.

Что мне сделать теперь? У меня даже нет ее номера. Что если она вообще не желает меня видеть? Но прекрасно зная Вив, есть гораздо большая вероятность, что она похоронит все это внутри себя.

Легче ли мне от этого? Я не знаю.

Полное замешательство все еще овладевает моими мыслями, когда я слышу какой-то звук. Я отступаю глубже в кустарник, стараясь не шуметь. Я веду себя словно сталкер или вор. Звук открывающейся двери заставляет меня немного вздрогнуть, и я позволяю себе выглянуть. Сначала ничего не происходит, но затем в небольшом окне домика появляется свет. Трейси там, и она зажгла свечу.

Теперь мое сердце где-то в горле. Я ведь уже здесь. Пришел сюда намеренно и осознанно. Я не замечал ее, но я *здесь*.

Оглядываясь, медленно подхожу к двери и поднимаю руку, чтобы постучать. В мои ноздри ударяет запах мяты и через секунду, понимаю, что это табак. Трейси курит?

Мой тихий стук в дверь раздается словно гром в этой оглушающей тишине. За дверью слышится шорох. Затем дверь открывается, и я вижу Трейси с битой в руке. Я не могу не улыбнуться, потому что это та самая бита, которую я ей дал на Хэллоуин. Я даже не помню, где ее взял.

На лице Трейси смятение и удивление. Да, она не ждала меня.

– Привет, – тихо говорю я.

Она открывает рот, затем тихо выдыхает.

– Ничего себе. Привет.

– Я решил воспользоваться твоим предложением.

Мне казалось, она уточнит, но она прекрасно помнит, потому что шире открывает дверь и приглашает меня внутрь. Здесь всего одна комната, освещенная единственной свечей, но мне отчетливо виден интерьер. Стены выкрашены в угольно-пепельный цвет, на стене напротив двери изображен косяк улетающих птиц. В правом углу у окна стоит электрический камин. Левый угол помещения занят маленькими декоративным столиком, на котором лежат книги. Ну а напротив стоит небольшой диван, напоминающий прошлый век. Он оббит серой тканью, но на нем лежит красное пушистое покрывало, как и красный палас, лежащий рядом на полу. На подоконнике у самого дивана стоит пепельница, в которой дымится сигарета. Рядом с ним свеча в стеклянном стакане распространяет запах ванили, корицы или чего-то похожего.

Все еще оглядываясь, я как воспитанный парень и примерный гость, снимаю обувь и поворачиваюсь к Трейси.

– Здесь уютно.

И я несколько не лукавлю.

Трейси легко улыбается и ставит биту рядом с дверью. На ней длинная футболка, под которой едва заметно кружево маленьких черных шортиков, и ее ноги босые.

– Правда? – с иронией интересуется она. – Точно не думал, что все стены завешаны плакатами с накрашенными готами, в углу стоят черепа, а я сижу здесь и пишу фанфики про вампиров?

Мой взгляд задерживается на ее лице. Она слегка улыбается, но я нет. Если честно, то я возможно, так и думал. Но это не значит что-то плохое. И если я так и думал, то это было до того, как решил прийти сюда, а затем наблюдал за ней со стороны. Трейси далека от всей этой клишейной мишуры.

– Ты мне дашь почитать свои фанфики? – с той же саркастической интонацией парирую я.

Трейси пару секунд смотрит на меня, затем смеется.

– Но имей в виду, – успокоившись, говорит она. – У меня все-таки есть искусственные черепа.

Я развожу руки в стороны.

– Это же круто.

Небольшой шутливый диалог снова превращается в неловкую тишину между нами. Трейси переминается с ноги на ногу, затем бросает взгляд на окно. Она проходит мимо меня, прыгает коленями на диван, и, отодвинув черную вуаль, заменяющую занавеску, тушит сигарету. Я не являюсь ярим противником курения, потому что каждый способен решать сам за себя, как использовать свои легкие. Но все же мне это не нравится.

Но наблюдая за тем, как тонкие пальчики Трейси с длинными ногтями тушат тонкую розовую сигарету в пепельнице, я погружаюсь в ее своеобразную эстетику, которую она здесь создала. Никогда не видел, чтобы она курила и возможно, она делает это лишь от безделья.

В любом случае я последний человек, который будет ее в этом упрекать. Вчера я напился так, что не помню, что делал и что говорил. Так что... да, тут все очевидно.

На миг я забыл о том, что натворил вчера, но сейчас снова вспомнил. Но не похоже, что Трейси готова меня выгнать. Все еще стоя на коленях, она закрывает окно, которое по всему видимому было приоткрыто.

– Присаживайся, – дружелюбно просит она, указывая на диван.

Я тоже улыбаюсь и сажусь рядом с ней. Трейси теперь сидит в позе лотоса, держась руками за свои щиколотки. Между нами горит ароматическая свеча, но я все равно чувствую, исходящий запах от ее волос. Такой свежий.

Я поворачиваюсь к ней и кладу руку на спинку дивана.

– Ты ведь не против, что я здесь?

Она пожимает плечами.

– Помнится, я сама тебя приглашала.

– Да, но... – я мешкаюсь.

– Не важно, сколько прошло времени.

Она читает меня? Я улыбаюсь ей одним уголком рта. В свете горящей свечи ее глаза светятся. Они такие серые, что кажутся нереальными.

– Ты снова сбежал? – спрашивает Трейси.

Я вздыхаю.

– Не возвращался со вчерашнего вечера.

Она тоже вздыхает. Затем снова наступает молчание. Я замечаю телефон рядом с пепельницей и тянусь к нему. Он без пароля, поэтому глазами спросив разрешения, я открываю ее музыку и теряюсь в потоке неизвестных мне групп. Увидев интересное название, нажимаю «play». Негромкая музыка начинает заполнять тишину.

Трейси пристально смотрит на меня, сузив глаза.

– Это намек?

Я смеюсь и начинаю медленно расслабляться.

– Нет, просто не слышал эту песню.

– Да ты ничего из этого не слышал, – с дерзкой улыбкой отвечает она и забирает у меня свой телефон.

Что верно, то верно.

Она кладет телефон обратно на подоконник, и из него продолжает тихо литься песня *Bad Habits*¹.

Слушая песню, Трейси бросает взгляд на пепельницу.

– Это не привычка, – говорит она.

– Ты не должна передо мной оправдываться, – спешу ответить я.

Она качает головой.

– Ну...я ведь знаю, как ты к этому относишься.

– Знаешь? – Я удивленно вскидываю брови.

Она кивает.

– Конечно. Мы не вчера познакомились, Кайден.

Мое сердце снова начинает громко стучать. Она видела меня и слышала. А я как напыщенный индеек предположил, что она в меня влюблена.

Идиот.

Мы снова смотрим друг на друга.

Трейси. Девочка, которую я не видел, погрузившись в свое горе с головой.

Она не двигается, когда я придвигаюсь ближе к ней и наклоняюсь. Я прижимаюсь к ее губам и закрываю глаза. Немного странное и новое чувство словно выстрел пронесется по всему моему телу. Я давно должен был быть здесь.

Трейси не отвечает, но и не отталкивает. Она будто мне это просто-напросто позволяет.

Я отстраняюсь и смотрю в ее распахнутые глаза. Наши губы все еще слишком близко.

– Почему ты поцеловал меня? – негромко интересуется она.

Я пожимаю плечами, затем кладу свою руку на ее мягкую щеку.

– Меня интересует другой вопрос: почему я не сделал этого раньше?

Поскольку этот вопрос риторический, Трейси ничего не отвечает. Она кладет свою руку поверх моей, лежащей на ее щеке.

Почему-то именно в этот момент ко мне приходит осознание, что я смогу собраться по кускам.

Я снова наклоняюсь и целую ее.

На этот раз Трейси отвечает. Ее мягкие губы двигаются в такт с моими, и я впервые за долгое время ощущаю настоящий восторг и тихую радость.

¹ (пер: «Плохие привычки»)

Глава 3

Треиси

15 апреля, год спустя

Полуденное солнце приятно греет кожу. Щебетание птиц сливается с плеском воды в пруду. Закрыв глаза, можно представить, что находишься в каком-нибудь красивом парке, где нет ни души. Впрочем, это место так же красиво и даже прекрасно. Но здесь всегда тихо. Тихо и спокойно.

Открыв глаза, я разминаю затекшую шею и подтягиваю колени к груди. Прошло уже несколько минут, но не думаю, что этого достаточно. Поэтому я продолжаю сидеть и выдергивать нитки из дыр на моих черных джинсах в области коленей. Легкий ветер колышет мои распущенные волосы. Выждав еще несколько минут, я поднимаюсь на ноги.

Передо мной длинные ряды серых плит на ярко-зеленой траве. Лавируя между ними, я стараюсь не торопиться. Остановившись, смотрю на фигуру, сторбившуюся под тенью плакучей ивы. Перед ним два одинаковых надгробия, почти ничем не отличающиеся от других.

Глаза начинают щипать от этой картины. У меня не самые лучшие отношения с родителями, но если я потеряю их, то сойду с ума от горя.

Кайдэн сидит на земле, скрестив ноги и опустив голову. Я не знаю, говорит ли он с ними. Но полчаса назад, когда мы пришли сюда, я оставила его наедине со своим горем и мягко намекнула, чтобы он высказался. Я ни разу не видела его слез, поэтому не была уверенной, что он готов мне их показать. Хотя, зная его, вряд ли он плакал вообще.

Сегодня вторая годовщина со дня смерти его родителей. Год назад Кайдэн все еще не был готов принять, что их больше нет. Но прошел еще год, и теперь в его глазах есть ясность и осознание того, что все-таки нужно двигаться дальше. Он уверен, что в этом моя заслуга. Я уверена, что он нашел в себе силы сам.

Кайдэн вздрагивает, когда я нежно касаюсь ладонью его плеча. Опустившись рядом с ним на колени, я читаю эпитафии на надгробиях.

Синтия Эллис Арчер

Ты все еще сияешь, мама

И память о тебе будет жива всегда

Таннер Уильям Арчер

Та сила и мудрость, тобой даруемая

В моей крови, отец

Столько емкости и красоты в этих нескольких строках. Но в то же время в них много скорби.

Кайдэн сплетает наши пальцы, все еще глядя перед собой. В его глазах боль, но уже немного притупившаяся. Он кладет наши сцепленные руки на траву между нами и медленно поворачивает голову. Я дарю ему слабую улыбку и свободной рукой провожу по его скуле, затем по коротко стриженным волосам. Он изменил не только прическу с того времени, как мы вместе. В ушах больше нет кристалликов, которые мешали ему на играх. Улыбка – это то, что теперь можно увидеть на его лице намного чаще, чем хмурую складку на лбу.

Он смотрит на меня с особой теплотой. Признаюсь, он не всегда так на меня смотрит. У нас бывают и плохие дни. Мы подвержены частым ссорам, но они никогда не заканчиваются глупыми слезами и расставанием. Никто из нас не бросается громкими фразами, но это не делает ссору менее приятной. Ссора есть ссора.

Но я уверена в двух самых важных вещах: я люблю его, и мои чувства взаимны.

– Я рассказывал им о тебе, – произносит Кайден.

Сейчас он слишком уязвим, поэтому, несмотря на ситуацию, извлекаю из этого что-то положительное. Он такой разный, что порой я гадаю, каким я увижу его сегодня? Веселым, уставшим, возбужденным или раздражительным. Я тоже не отличаюсь тихим нравом, но моя невозмутимость порой помогает затушить его вспыльчивость.

Иногда бывает все наоборот.

Мне нравится размышлять о наших отношениях и иногда анализировать их. Это глупо, но я так часто думаю о нем, что порой это граничит с помешательством.

– И что ты им сказал? – с улыбкой спрашиваю я.

Кайден продолжает изучать мое лицо. В светло-карих глазах, которые разительно отличаются от темных волос, загорается прежний огонек уже знакомый мне. Когда мы шли сюда, он почти погас.

– Что с тобой я счастлив и именно ты вытащила меня...

Я быстро подношу палец к его губам, призывая замолчать. Повернув голову, я обращаюсь к надгробиям:

– Вы создали сильного и независимого мужчину. И эта я счастлива с ним.

Кайден знает, в каких моментах со мной лучше не спорить. Но судя по его взгляду, он остается при своем мнении.

– Тетя Лиза настаивала на их кремации, – вдруг говорит он.

Я сильнее сжимаю его руку.

– Ты не рассказывал об этом.

Кайден пожимает плечами.

– Да это и не важно. Наверное, тогда бы я согласился на что угодно, лишь бы меня оставили в покое. Но Роббинсы вмешались, и теперь мои родители здесь, рядом со мной, а не в Мэйпл Ридж.

Эту часть я уже знаю. Родители Кайдена только планировали переехать в Эшборо и жили в соседнем городке. Но после несчастного случая их похоронили именно здесь.

Держась за руки, мы покидаем тихое пристанище умерших и выходим на узкую тропинку, ведущую в лес. Я болтаю о школе и предстоящем выпускном бале. Кайден молчит и едва слушает, все еще пребывая в мрачном расположении духа. Этот день сломал его жизнь два года назад, так что жестоко просить его быть со мной разговорчивее.

Внезапно Кайден резко останавливается и притягивает меня к себе. Я охотно подчиняюсь, когда его руки обхватывают мою талию. Мой рост позволяет мне без особых препятствий обхватить его за шею, в то время, как Кайден наклоняется и утыкается мне в плечо. Я чувствую его горячее дыхание на коже. Он тяжело дышит, затем мое имя срывается с его губ. Мы так стоим некоторое время, прижимаясь друг к другу.

Какой бы я ни была высокой, мой парень выше. Он опускает голову и прижимается лбом к моему лбу. Сейчас его глаза горят. В них нет тепла, теперь уже огонь.

Я знаю этот взгляд.

– Завтра, – шепотом говорю я. – Ты не забыл, какой завтра день?

Имея опыт с Кайденом, я знаю, что парни не запоминают такие вещи. И если бы не серьезные последствия, сопутствующие этому дню, он бы не запомнил.

Он кивает, втягивая воздух, затем отпускает меня.

– Нет, я помню.

Мы целуемся возле огромной поваленной сосны. Это место, у которого мы обычно прощаемся и расходимся в разные стороны. Над нами щебечут птицы, солнце пробивается сквозь плотные ветви деревьев.

– Удачи, – оторвавшись от моих губ, произносит Кайден. – Думаю, все пройдет хорошо. Хотя... – он склоняет голову, легкая ухмылка появляется на его губах. – Если ты начнешь в своей манере, то скандала не избежать.

Я отмахиваюсь и висну на его руке.

– Нет, я буду милой.

– Тогда зачем подобный фарс, Трейси?

Я недовольно смотрю на него.

– Фарс?

Кайден прижимает меня к своему боку и целует в макушку.

– Ты понимаешь, о чем я. Позвони мне вечером, хорошо?

Кивнув, я получаю от него еще один поцелуй, затем наблюдаю, как он медленно уходит в другую сторону. В город. Обернувшись, Кайден вопросительно смотрит на меня. Я посылаю ему воздушный поцелуй и повернувшись, направляюсь в сторону дома.

Есть обычная дорога от нашего дома к городу. Но я всегда хожу по лесу. Бояться здесь можно лишь белок. В моей голове вертится фраза или даже просьба Кайдена, не устраивать фарс. Он прав, я и не спорю.

Кайден сильно изменился. Год назад он не был парнем, который так смотрел. Не был парнем, который так много смеялся. И уж тем более он не был парнем, который бы советовал мне вести себя с родителями мило. Даже учитывая то, что официально он с ними не знаком и прекрасно знает, что моя мама в какой-то степени против наших отношений. Она не запрещает буквально, она просто ждет, когда мы наконец-то расстанемся. Это выносило мне мозг, и я жутко расстраивалась каждый раз, когда я заговаривала о Кайдене или о Вив, она уходила от разговора. Я до сих пор не понимаю, но какая разница? Теперь я стараюсь не задумываться над этим и жить своей жизнью.

Мое стремление задеть родителей почти всегда играет против меня. Наши ужины похожи на заупокойные службы. Все молчат. Бывает так тихо, что даже слышно, как я проглатываю еду. Но даже эти ужины стали редки. Я не знаю, по какой причине родители отделились друг от друга. Я даже не заметила, когда это произошло. Раньше все было по-другому. Нет, мы не сидели на диване в гостиной в обнимку, не бросались едой, готовя вместе ужин. Папа так же, как и сейчас был полностью погружен в свой бизнес, а мама завалена делами в своей фирме. Но мы хотя бы ездили на летние каникулы в луна-парки и на пляжи. И в Рождество было весело.

Но когда я все же заметила перемену, то жутко взбесилась и начала вести себя, как избалованная девчонка, требовала от них того, чего мне на самом деле и не нужно было, пытаюсь тем самым объединить их против себя. Ненавижу перемены.

Но из этого ничего не вышло, и я сдалась. Только вот периодические встряски с моей стороны на их занятые головы остались в привычке.

Да уже не важно. Я скоро уеду в колледж. К тому же в моей жизни появились изменения, которые меня стали волновать больше, чем вопросы, касающиеся родителей.

Свернув с привычной тропинки, ведущей к задней части дома, я обхожу двор и направляюсь дальше вглубь. Деревья уже начинают редеть, отчетливо доносятся мужские голоса и звуки пилорамы.

Лесопилка – это детище отца. Сколько себя помню он всегда этим занимался. Раньше я приходила сюда каждый день и приносила ланч. Меня знал абсолютно каждый работник, за мной даже присматривали, потому что я постоянно лезла к станкам, чтобы стащить оттуда опилки и поиграть с ними. Господи, сколько седых волос повылазило у этих бедняг, когда я подходила слишком близко к громыхающей ленточной пилораме.

Сейчас здесь все иначе. Папин бизнес вырос, штат расширен и работников здесь тьма. Да и я больше не приношу ланч и не валяюсь в опилках.

Привычный с детства шум сопровождает меня, пока я прохожу мимо машин, станков и ровных строек досок.

– Трейси!

Я поворачиваю голову и улыбаюсь.

– Привет, Гарри.

Мужчина в оранжевой каске машет мне рукой, щурясь от солнца. Раньше я звала его «дядей Гарри», но затем он стал просто «Гарри». Правая рука папы с самого начала, и их отношения больше похожи на сыновьи-отцовские. Сейчас Гарри уже за шестьдесят, но он все еще периодически хватается за пилу, хотя для этого уже давно есть специальная бригада.

– Твой отец в амбаре, бусинка! – кричит Гарри, перекрикивая машину.

Я киваю и направляюсь в сторону высокого строения, облицованного профнастилом. Здесь, как и снаружи, кипит работа. Пахнет свежей древесиной, а также пылью, от которой начинают слезиться глаза.

Мой отец стоит с двумя другими мужчинами в рабочей форме и что-то с ними обсуждает. На нем черный костюм, аккуратно завязанный галстук, темные волосы блестят от геля, а в руках планшет с какими-то бумагами. Я помню его в той же одежде, что и мужчины рядом с ним. Но теперь он одевается только в костюмы и начищенные туфли, несмотря на пыль.

Я жду, когда он освободится, и как только мужчины уходят, оказываюсь возле него. Я и не заметила, как почти догнала его в росте.

– Привет, папа.

Он поворачивает голову и удивленно вскидывает брови.

– Трейс, что ты здесь делаешь?

– Да, я тоже рада тебя видеть, – мрачно отзываюсь я.

Папа бросает на меня хмурый взгляд. По большей части он всегда такой. Вечно загруженный делами, хмурый и серьезный.

– У тебя все хорошо? – интересуется он, игнорируя мой комментарий.

Я моментально меняю хмурость на улыбку.

– Да, все прекрасно. Я пришла сказать, что жду тебя на ужин.

Он слегка озадаченно смотрит на меня, затем прикидывает что-то в уме.

– Сегодня?

Я закатываю глаза.

– Это так сложно? Прийти на ужин в собственный дом?

Теперь его хмурый взгляд по-настоящему *хмурый*. То есть очень серьезный и тяжелый. Мне не достались от него такие качества, как чрезмерное трудолюбие и снобизм. В первом случае – ну и ладно, а во втором – и слава богу. И хотя я постоянно пытаюсь вывести его из себя, я восхищаюсь им.

Наши отношения слишком сложные, чтобы можно было их описать простыми словами.

– Ты знаешь, у меня много дел, Трейси. Завтра аукцион, а у меня... – он показывает мне бумаги, словно я что-то в них пойму.

– Я сегодня готовлю ужин и хочу видеть тебя в нашей красивой, но вечно пустой столовой, – говорю я таким тоном, каким он всегда говорит со мной.

Папа смотрит на меня исподлобья и слегка вздыхает. Я кладу руки на его широкие плечи, и немного потянувшись, целую в гладковыбритую щеку.

– До вечера.

Выйдя из широких ворот амбара, я быстрыми шагами направляюсь к выходу. У меня сегодня много дел. Я иду так быстро, глядя себе под ноги, что не сразу замечаю, что кто-то идет следом за мной.

– Эй, Трейси, привет.

Обернувшись я вижу улыбающегося Тимоти. Два с половиной года назад я бы растеклась лужицей прямо на этом месте от его красивой улыбки, взлохмаченных светло-русых волос и голубых глаз. Я влюбилась в него, как только впервые увидела. Он только окончил местную государственную школу, когда устроился сюда на подработку. Я ходила сюда каждый день, пока не осмелилась предложить погулять со мной. Мы начали встречаться, но тайно от отца, так как Тимоти боялся его реакции.

Лишь позже я поняла, что это были вовсе не отношения. Тимоти спал с другими, в то время, как со мной был само очарование. Мы ходили в кино, затем целовались в его машине, а после он уезжал к другим девушкам, а я послушно спала в своей постели, наивно мечтая, что он так же думает обо мне.

Но я ни о чем не жалею. Все-таки можно считать, что Тимоти был моим первым серьезным парнем, который трогал мою грудь. После него был Сэм, но это было лишь на лето и когда он увидел меня в новом образе, сказал «ничего не получится».

– Привет, Тимоти. – Я смотрю на него, приставив ладонь ко лбу, заслоняясь от солнца. – Давно не виделись.

Тимоти кивает, слегка потягиваясь. Теперь он студент, но все так же работает у моего отца. Работа закалила его и теперь его мышцы выглядят намного впечатляюще.

– Да, точно. Как ты?

Узнаю этот взгляд. Тимоти рассматривает меня с осторожностью, как делают это многие парни. Он уже видел меня в новом образе, но мы не болтали больше двух-трех секунд. Сейчас он рассматривает мои черные джинсы с железными клепками, серый топ с длинными рукавами и изображением плачущей девушки с крыльями, мои перекрашенные из темного в светло-пепельный цвет волосы и толстый слой черной подводки вокруг глаз.

Возможно, я нравлюсь внешне и многие вещи из моего гардероба подчеркивают фигуру. Но такая яркость многих отпугивает. Они думают, я держу дома ворона в клетке и режу кожу, чтобы почувствовать боль.

Фу, если бы они знали, как я боюсь боли. До такой степени, что я наотрез отказалась прокалывать уши. Даже у моего парня они были проколоты, если уж на то пошло. Но опять же, он играет в хоккей, а хоккеисты выплевывают зубы и мчатся дальше, так что...

– Трейс?

Дымка в образе Кайдена рассеивается перед моими глазами, когда я снова смотрю на своего собеседника. Ну что я говорила? Я всегда думаю о Кайдене. Даже сейчас, глядя на так называемого бывшего парня.

– О, прости, – я качаю головой. – У меня все хорошо.

– Готовишься к выпускному?

– Да, совсем скоро.

– Быстро же прошло время. – Тимоти бросает взгляд на полоску кожи между моими джинсами и топом. – Давай я тебя немного провожу. Я уже перекусил и у меня осталось немного времени до конца перерыва.

Удивленная этим я вежливо киваю, и мы вместе медленно идем к широким воротам в сторону леса.

– Ты изменилась, – говорит Тимоти.

«А ты нет», – думаю я.

– Ну да, а как твои дела?

Тимоти пожимает плечами.

– Последний год в колледже, а дальше я еще и не думал.

– Ты ведь можешь остаться здесь.

Он бросает на меня косой взгляд, пока мы выходим за ворота. Я могу рискнуть и предположить, о чем он именно размышляет. О том, что я думаю, что ему не обязательно получать еще одно образование. Три года в местном колледже вполне хватит для того, чтобы работать на лесопилке до конца своих дней.

Но я так вовсе не думаю. Хотя вряд ли стоит заводить об этом разговор. Мне не хочется оправдываться за то, чего я не делаю. Тимоти не редко меня дразнил тем, что я учусь в частной школе. Почему-то именно сейчас я думаю, что это были не совсем шутки.

– Ну, а куда отправишься ты после школы, – игнорируя мою фразу, интересуется Тимоти.

Судя по тому, что я его этой фразой заставила немного напрячься, то и отвечать мне вовсе не обязательно. Для Тимоти мой ответ прозвучит слишком вычурно или пафосно. Вообще-то я не знаю, что там у него в голове.

– Ох, не хочу говорить об учебе, – стараясь звучать беспечно, отвечаю я. – Все этим бредят, словно в жизни нет ничего интереснее. Мне пора бежать. – Я останавливаюсь и указываю большим пальцем себе за плечо. – Поболтаем как-нибудь в другой раз?

Тимоти, поняв намек, кивает, улынувшись.

– Появляйся почаще, Трейси.

Да уж нет, обойдусь как-нибудь.

– Окей, пока. – Махнув, я прибавляю шаг и почти бегом несусь домой.

С громким «пффф» я кладу горячее блюдо на мраморную стойку и от бессилия запрокидываю голову. Нужно было просто сделать лазанью или домашнюю пиццу. Хотя мама терпеть не может пиццу. Но это было бы лучше, чем горелая овощная запеканка.

Я не безнадёжная и умею готовить. Для этого не требуется большого ума. Все дело в правильности подготовки овощей, которые ест моя мама. Я хотела ей угодить.

Плевать.

Наступив на подножку мусорного ведра, я осторожно, чтобы не обжечься, сваливаю туда «запеканку» и принимаюсь отмывать противень. У меня есть еще примерно час.

Скользя босыми ногами по ламинированному паркету, я ищу в плэй-листе на своем ноутбуке, стоящем на стойке рядом, Bring The Me Horizon и включаю *Mantra*.

Огромное окно от пола до потолка и почти в половину стены открывает вид на густую растительность двора. Небо медленно чернеет, и апрельский воздух становится прохладнее.

Раньше я боялась оставаться вечером дома одна. Вокруг лишь лес, а мелкие огни города казались такими далекими. Но я быстро к этому привыкла и извлекла выгоду. Но ни разу не применяла эту выгоду на практике. Хотя... если летний домик считается, то да, все же применяла.

Открыв холодильник, который сливается со всей белоснежно-серой обстановкой кухни, я немного задумываюсь, затем отметаю все сомнения и вынимаю сыр.

Мама водит вилок по горячей кесадилье с сыром, лежащей на белой фарфоровой тарелке прямо перед ней. Ее вид выражает недовольство, которое она слишком плохо пытается скрыть.

– Прости, мама, – говорю я. – У меня не получилась запеканка из твоих любимых овощей, но заверяю тебя, ты не обрастешь толстым слоем жира, если попробуешь эту лепешку.

– Трейси, – строго произносит папа.

Я невинно приподнимаю руки и улыбаюсь. В обще-то я тоже стараюсь не злоупотреблять жаренной и жирной пищей, но боже мой, это ведь вкусно.

Мои родители сидят друг напротив друга за длинным обеденным столом. Я сижу посередине и поочередно бросаю на них взгляды. Стоящий посередине стола букет фиалок ужасно

меня раздражает, но он хотя бы вписывается в общую картину столовой с бежевыми стенами, увешанными картинами, прозрачными занавесками, которые колыхнутся от легкого ветерка, проникающего из полу приоткрытого окна.

Уханье сов из леса становится невыносимым. И бедные совы здесь не при чем. Все дело в тишине, которая гуляет в стенах столовой.

– Очень вкусно, Трейси. – Папа нарушает эту тишину, откусывая кесадилью.

Я удовлетворенно расслабляюсь.

– Спасибо.

Он в том же костюме, в котором я видела его днем. По большей части он смотрит на меня и другие предметы в помещении. Мама ведет себя почти так же. Ее густые каштановые волосы собраны в высокую своеобразную прическу. Несколько волнистых прядей спадают на плечи, обрамляя строгое, но красивое лицо.

Я смотрю на нее.

– Попробуй, я очень тебя прошу.

Если подумать: почему они не разводятся, если давно остыли друг к другу? Я не задавала этот вопрос вслух, потому что боюсь, что они так и сделают. Как я уже говорила: ненавижу перемены.

Мама посылает мне скудную улыбку и надкусывает лепешку, подхватив ее вилкой.

Сыр капает на тарелку и могу представить, какой сейчас ужас испытывает мама.

– Вкусно, дорогая, – жуя, произносит она. Она слишком долго жует крошечный кусочек, затем запивает водой.

Едва слышно хмыкнув, я с грохотом опускаю руки на стол.

– Итак...

– Итак... – папа вопросительно смотрит на меня.

– У меня важные новости для вас.

– О, господи. – Мама прикладывает ладонь к груди.

– У тебя что-то с сердцем? – интересуюсь я.

Она выгибает бровь.

– Говори, Трейси, – настаивает папа.

Я верчу головой, глядя на них обоих.

– Это важно. Это кардинально изменит мою жизнь.

Мама белеет на глазах.

– Ты беременна? – Папа ослабляет галстук и хватается за стакан с водой.

Мне хочется рассмеяться, но я изо всех сил пытаюсь играть свою роль.

Поскольку я молчу, опустив голову, мама снова вспоминает господу, хотя никогда и не слыла верующей. Папа снова произносит мое имя в этот раз с нажимом. Я еще ниже опускаю голову и до боли прикусываю нижнюю губу. Черт возьми, я сейчас лопну.

Они переговариваются друг с другом. Уже – *уже!* – размышляют, как поступить со мной, и кто виноват в том, что меня так воспитали.

Когда-нибудь я им признаюсь в том, что они прекрасно меня воспитали. По крайней мере, я так думаю.

Если у меня есть парень, с которым я встречаюсь уже год, это не значит, что я могу быть беременной. Это смешно.

Но я позволяю им так думать еще несколько секунд, прежде чем поднять голову и громко произнести:

– Меня приняли в Университет Виктории.

Снова становится тихо. Снова ухает сова.

Родители смотрят на меня, не мигая. Папа первым облегченно выдыхает и прочищает горло.

– Так ты не беременна?

– Нет, – с улыбкой отвечаю я.

Мама строго смотрит на меня.

– Зачем тогда... боже мой, – она качает головой.

– Это стоило того, – говорю я, бросая салфетку на стол. – Вы смотрели друг на друга и говорили. Это стоило того, – повторяю я и выхожу из столовой.

Глава 4

Кайден

Обычно Трейси не дразнит меня своими фотографиями, потому что прекрасно понимает, чем это чревато. Но в этот вечер я получаю от нее фото, на котором она лежит в своей кровати, обнажив плечи и ключицу. К сожалению, а в данном случае к счастью, фото обрывается на самом интересном месте. Подпись под фото никак не ассоциируется с дерзкой улыбкой: «Сладких, пупс. Увидимся завтра».

Я фыркаю себе под нос. Пупс?

Боже, Трейс.

– Ты серьезно, Лайлз? Ты собираешься там ночевать?

Оторвав взгляд от телефона, я смотрю, как мой бывший сосед по комнате – Джастин Хенсли тяжело вздыхает, засовывая телефон в карман джинсов.

– Проблемы в раю, солнышко? – игриво интересуюсь я.

Джастин находит меня взглядом и закатывает глаза.

– Отвали, Арчер.

Я смеюсь, поднимаясь с дивана. Уже около часа я сижу в комнате отдыха и просто пялюсь в телефон. Еще есть время до того, как выключат свет в этой комнате, и все здесь. Обычно после так называемого «отбоя» никто не спит. Ученики расхаживают по комнатам друг к другу, убивая время. Ну или смываются в город. Даже несмотря на то, что многим старшеклассникам есть восемнадцать, правила остаются неизменными. Но открою небольшую тайну. Это всего лишь видимость. У нас есть свои поблажки, и взаперти здесь никто не сидит.

– Сыграть с тобой? – предлагаю Джастину, подойдя к настольному хоккею, возле которого он стоит.

Джастин скептически выгибает бровь, но кивает.

– Давай.

Следующие несколько минут мы с криками и шумом гоняем по доске пластмассовую шайбу. Огромная комната отдыха заполнилась еще большим количеством учеников. Кто-то негромко включил музыку.

По большей части мне нравится жить в резиденции. Здесь есть все что мне нужно. Почти. Тренажерный зал, бассейн, арена, кровать, еда, тепло, друзья. Трейс не здесь, но в нескольких минутах.

Но я понимаю, что скоро все это закончится. Старшая школа не вечна, и ответы из колледжа уже приходят.

– Серьезно? – Я смотрю на очередную загнанную мини-шайбу в свои мини-ворота.

Джастин невинно пожимает плечами.

– Ловкость рук.

Я смеюсь.

– Ага, конечно.

– Странно, да? – иронично произносит Джастин. – Ты играешь в настоящий хоккей, но с треском проигрываешь в настольный.

И правда странно.

Но я лишь отмахиваюсь, позволяя Джастину в полной мере поглумиться надо мной.

Общая комната отдыха довольно большая. Она вмещает несколько диванов, стоящих посередине напротив большого плазменного телевизора. По периметру стоят кресла-мешки,

которые постоянно заняты. Настольный теннис, хоккей, футбол. Книжная полка. Да, серьезно. Пусть она и пылится. Не понимаю, зачем она здесь, ведь есть библиотека.

Здание пансиона самое старое в городе, и насколько я помню оно служило жилым домом какой-то ужасно богатой семье, которая была сослана в эти края за инцидент с королевской семьей.

Сейчас это жилая резиденция учеников Эшборо Флэйм и, хотя она и отреставрирована и забита современным оборудованием и техникой, проблески прошлого века можно увидеть почти на каждом шагу. Винтовые лестницы между этажами, витражи на окнах в столовой, старые ковры в библиотеке и в комнатах для самоподготовки, просторный роскошный холл с огромной люстрой и камином. В прошлом году в общей комнате стояла классическая мебель, но ее заменили на более современную, так как ученики не слишком заинтересованы в ее сохранении. Думаю, последней каплей стало то, что на одном из таких изящных диванов застукали Кэрри Вудвил и Зеда Уайта прошлой весной. Они совершенно не заботились о богатой обшивке мебели, когда занимались на диване сексом. Когда об этом узнал директор Барнс, его лицо слилось с цветом твидового бордового пиджака, который он слишком часто носит.

Махнув Джастину, я прохожу мимо группки учеников из Китая, болтающих между собой на родном языке. Позади них, на одном из диванов сидят парни из моей команды.

– О чем трещите, дамы? – Я плюхаюсь на свободное место рядом с ними.

– Лично я занят другим, – ухмыляется Дэйн Майклс, почесывая челюсть.

Его мачо-поза с широко расставленными ногами говорит о том, что парень вышел на охоту. Он младше на год, так что, когда мы окончим школу, у команды по-прежнему будут все шансы выиграть кубок.

Я смотрю в ту сторону, куда пялятся парни.

Вокруг кресла-мешка собралась стайка девчонок. Они все смотрят на экран одного телефона и громко смеются. Сложно не выделить среди них Ив Мюррей. Ее волосы с недавнего времени превратились в афрокосички. Она периодически бросает взгляды на наш диван и замечая к себе внимание, улыбается.

– Она мне нравилась с обычными волосами, – лениво тянет Пол. – А эти штуки на ее зубах очень даже ничего.

Он сидит на полу, склонив голову между согнутыми коленями, и что-то печатает в телефоне.

– А мне интересно, каково это, когда она встанет на колени и вместо волос придется хватать эти... поводья? – смеется Джейми – парень из команды по лакроссу.

Дэйн бросает на него пренебрежительный взгляд.

– Даже не думай об этом.

– О-о. – Улыбка Джейми становится шире, и он треплет за волосы Дэйна. – Да ты влюбился. Вперед, парень. Я хочу видеть это.

Дэйн отмахивается и расправляет борозду растрепанных светлых волос, которую оставила рука Джейми.

– Я не собираюсь делать из этого представление.

Джейми фыркает.

– Ты жалок, бро.

– Отвали, – бросает Дэйн, и его взгляд снова сосредотачивается на Ив.

Я никак не реагирую на эту перепалку. На мой телефон наконец-то приходит сообщение.

ТРЕЙСИ: *Мне нужно выспаться. Не мучай меня.*

Я: *Ты не серьезно. Это ты меня мучаешь.*

Надеюсь, она поймет, что я имею в виду только конкретную ситуацию.

ТРЕЙСИ: *На мне твоя футболка и больше ничего. Абсолютно. Теперь доволен?}*

Доволен ли я? Как сказать.

Я ерзаю на диване, прежде чем ответить.

Я: *Более чем. Вот теперь можешь сделать свое эссе и лечь спать.*

ТРЕЙСИ: *Спасибо!*

Саркастичный смайлик рядом со словом вызывает у меня смешок. Засунув телефон в карман спортивных штанов, я выплываю из мира фантазий о Трейси в моей футболке.

Парни все еще болтают между собой, и Джейми до сих пор стебается над Дэйном. Черт, он серьезно? Ну, если судить по комплекции, то они практически одинаковы. Но играя с Дэйном, я знаю, что его лучше не злить.

Часто, когда оканчивается хоккейный сезон, парни переключаются на лакросс, чтобы оставаться в форме, ведь тренировки на льду проводятся реже, а игр вообще нет. Я занимаюсь плаванием и греблей после сезона, поэтому не очень посвящен во все драмы по поводу команды по лакроссу. Но похоже, Джейми точит зуб на Дэйна из-за того, что парень превосходит его не только в хоккее, в который он, кстати говоря, не играет, но и на поле для лакросса – место, где Джейми царствовал, до перехода в нашу школу Дэйна.

– Эй, а не от Отем ли мы слышали о том самом? – Пол поднимает голову и смотрит на нас всех.

– Ты это о чем? – интересуюсь я.

– Нет, я точно это слышал, – продолжает Пол с большим энтузиазмом. – О том, что предлагали нашему Дэйни девчонки?

Дэйн тяжело вздыхает и взглядом просит у меня поддержки. Парень не любит о себе трепаться. К нему хреново относились, как и ко всем новичкам, но он быстро показал, что он из себя представляет.

Сейчас я готов выступить буфером, не потому, что парни занозы в заднице, а потому, что Дэйн в конце концов, не сдержится, и им обоим прилетит. За драки в школе жестко наказывают плюс ко всему Дэйн здесь на стипендии. А ее очень легко потерять.

– Я понимаю вашу зависть, парни. – Я откидываю голову на спинку дивана и улыбаюсь. – Самоудовлетворение не всегда снимает стресс, верно? Руки болят со временем, становится грустно.

Дэйн смеется, отдав мне мысленную «пять».

Пол и Джейми обмениваются взглядами и ухмыляются.

– Эй, это еще и неплохой тренажер. – Дэйн сгибает руку около своего колена и имитирует поднятие гири, но выглядит это двусмысленно.

Теперь мы заливаемся смехом.

Черт, да, мы все время говорим о сексе. Нам по семнадцать и по восемнадцать. О чем еще говорить, когда больше ни о чем серьезном не хочется? В старшей школе начинают сбываться подростковые фантазии, так что...

– Арчер, у тебя видимо огромный опыт, – не остается в долгу Джейми.

Если бы он только знал, насколько близок к истине. Но я лишь выгибаю бровь и смотрю на него в упор.

Всем известно, что мы с Трейси неразлучны целый год. О нас так много болтали и болтают до сих пор, что не остается сомнений ни у кого, что между нами происходит. Год – это большой срок для школы.

– Это не та мишень, – вставляет Пол, поднимаясь на ноги и посмеиваясь.

Чертовски верно и в то же время нет. Но я деловито киваю, глядя вслед уходящему по коридору Полу.

У меня нет проблем с парнями из команды или другими ребятами. Болтовня никогда мне не мешала, и я не обращаю внимания на такие глупости. Ну а по поводу стеба вообще никто не парится. Так уж устроена дружба между парнями.

Но меня выводит из себя то, что в наши отношения с Трейс вплетают Вив и по сути смешивают ее с грязью, сами о том не догадываясь. Только потому, что она ни с кем не встречается в школе. Но я не собираюсь ходить и трубить на каждом углу, что она мой друг, даже можно сказать лучший, потому что я никому не доверяю так как ей – кроме Трейси, конечно – и доказывать что-то. В свое время я налажал, так как хотел выплеснуть свою боль по-другому, но я слишком на этом заиклился и лишь недавно понял, что это нормально – быть дерьмом, когда тебе плохо и постоянно лажать.

Но это не значит, что нужно оставаться дерьмом. Нужно выбираться.

Закончив с очередным самоанализом, я поднимаюсь и разминаю спину. Сейчас я больше времени провожу в бассейне, чем на ледовой арене, поэтому устаю больше с непривычки. Теперь, когда хоккейный сезон отгремел, и наша школа проиграла Северному Ванкуверу, все сосредоточилось на более «теплых» видах спорта. Команда по лакроссу усиленно тренируется и готовится к соревнованиям со школой Брентвуд, девочки дождались, когда высохнет земля после дождливой зимы и достали свои бутсы для игры в соккер. Группа поддержки, теннис, баскетбол, гребля – наконец-то все другие виды спорта вышли в «свет», так как хоккей все это затмевал, ничего с этим не поделаешь. Сборная Эшборо Флэйм входит в одну из лучших юниорских лиг в Британской Колумбии и страны в целом.

Трейс и Вив сейчас бы со мной поспорили, потому что я забыл про конный спорт, который по качеству и подготовке ничуть не уступает хоккею. Но окружные соревнования тоже уже прошли после Пасхи и победительницей стала Вив. Она давно этого хотела и наконец-то добилась, что очень хорошо сказывается на ее личном деле.

Это заставляет меня снова жалеть о том, что мы не сумели выиграть кубок Росса. Тянутся последние школьные месяцы, поэтому хотелось бы скрасить их упованием победой. Но мы хотя бы добрались до финала, а это немало.

Джейми уходит вслед за Полом, на ходу бросив «увидимся позже». Дэйн продолжает сидеть на диване все в той же позе и прожигать взглядом Ив.

– Я пойду в комнату, – говорю я.

Дэйн рассеянно кивает, не глядя на меня.

– Ага, бро. Давай, увидимся.

Старшеклассники, чей средний балл не ниже четырех, могут рассчитывать на отдельные комнаты. Они не отличаются простором, но в том, что у тебя имеется свой личный угол с дверью есть большой плюс. Лишь благодаря своим спортивным достижениям я получил свою комнату в начале этого учебного года. Раньше я делил комнату с Джастином этажом ниже. Мы даже толком не виделись и не общались, потому что меня редко можно было увидеть в пансионе. Оглядываясь назад, мне даже странно думать о том, что я все же здесь остался. Возможно, дело было и не в моей маме, которая работала здесь. Несмотря на свое дерьмовое поведение, у меня была идеальная посещаемость. Я сбегал из пансиона, не приходил вовремя, много пил, пропускал тренировки, но на занятиях я всегда сидел на своем месте.

Но если честно, позже, когда до меня дошло, что так больше не может продолжаться, я надрывал задницу, чтобы многое исправить и после тренировок оставался, чтобы загрузить себя еще больше.

И это принесло результаты.

Из комнат доносятся шум и разговоры, пока я иду по коридору, поднявшись на верхний этаж. Под моими кроссовками мягкое бордовое покрытие. Все двери одинаковые: из темно-красного дерева, пронумерованные полукруглыми черными табличками. Этаж разделен на два крыла и соединен между собой узким коридором, который больше похож на балкон или балюстраду, так как с него открывается вид на холл.

Я иду к правому крылу, в котором находятся комнаты парней. Позади слышались громкие шаги, эхом разносящиеся по коридору.

– Кайден.

Я поворачиваюсь на голос Сандры Вуд.

– Привет.

Она всегда пожирает меня взглядом, когда видит. И это вовсе не преувеличение, это то, что есть, и Сандра этого не скрывает. Она до сих пор хочет меня. У нас есть прошлое, но оно такое смазанное, что я не могу подобрать подходящего слова. Секс? Ну, да. Отношения? Нет, я ни с кем не встречался.

Мне льстит ее внимание. С ней было весело, и она в принципе классная, если только не выпускает коготки.

Ну, как и почти каждая девчонка, о чем это я?

Думаю, любой оценит ее привлекательность. Сандра чуть ниже Трейс, ее ноги длинные, волосы ухоженные, на что я часто обращаю внимание у девушек. До этого она казалась мне вполне симпатичной, пока не услышал, как Трейс в злости бросила то, что у Сандры слишком длинный нос и тощая задница.

На счет второго я бы поспорил, но уж точно не со своей девушкой. К тому же меня не интересует, какая задница у Сандры, ведь в моем распоряжении самая лучшая и упругая задница во всей провинции.

– Ты был внизу? – интересуется Сандра, засунув руки в задние карманы коротких шорт.

– Да, – отвечаю я. – Сейчас нужно кое-что доделать и раньше лечь спать.

Она вытягивает губы.

– Серьезно, Кайден? Я скучаю по тебе, что с тобой случилось?

По моей пьяной физиономии и наигранному веселью? По этому она скучает?

Я улыбаюсь, как делаю всегда, когда не знаю, что ответить. Включай обаяние и тебе простят все, что угодно, включая нежелание болтать.

– Да ладно, у меня теперь тренировки с утра.

Сандра подходит ближе и смотрит на меня.

– Нет, дело не в тренировках.

Я знаю, что она имеет в виду, но надеюсь, она этого не озвучит. Я не в настроении конфликтовать. А именно этим я и займусь, если услышу осуждение, хотя ее мнение не имеет для меня никакого значения.

Сандра вздыхает, но не отходит.

– Не хочешь посмотреть с нами фильм? – предлагает она.

Какая умница, что сдержалась.

– Идея супер, но мне вставать рано, и я не высыпаюсь. Давай в другой раз? – Я отступаю к своей комнате. – Завалимся к вам с парнями. С вас удобные места на ваших розовеньких подушках, с нас попкорн и выбор фильма.

На секунду в глазах Сандры появляется разочарование, но она маскирует его возмущением.

– Нет, в прошлый раз, когда вы выбирали, девчонки так визжали, что перебудили весь этаж.

Я смеюсь, вспоминая очередную сходку в очередной комнате среди ночи.

– Думаю, мы сможем договориться.

– Надеюсь. – Сандра все еще не уходит, продолжая пялиться. – Если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

Она отступает, когда я киваю, затем уходит.

В моей комнате полный кавардак. На узкой одноместной кровати небрежно лежит школьная форма, которую я снял после занятий, прежде чем пойти на ужин. В углу возле окна лежит спортивная сумка, которую мне не очень хочется открывать. Нужно было сразу после тренировки закинуть шорты и носки в стиральную машину.

За порядком в комнатах следят старосты, и я стараюсь лишний раз не нарываться даже по таким пустякам. Звучит иронично, ведь я продолжаю покидать территорию школы, когда не следует. Но улизнуть намного проще, чем взяться за уборку собственного хлама.

Узкий белоснежный стол во всю стену рядом со встроенным шкафом очень похож на чистое место. На нем несколько учебников, светильник и закрытый ноутбук. Мои стены скучно бежевые, в отличие от комнат других учеников. Почти у каждого в спальне висят постеры или фотографии на стенах. Ну или различные доски.

Я не такой креативный, и хоть как-то разбавить эту скуку, я повесил над кроватью сине-серебристый флаг со школьным гербом, который представляет из себя голову лошади, грива которой объята синим пламенем и большие каллиграфические буквы AFS (Эшборо Флэйм Скул). Весьма патриотично. Рядом висит моя первая джерси с 77-м номером. Я обещал подарить ее Трейси, когда появится какой-нибудь особый случай. Таких случаев было немало, между прочим.

Нужно было отдать джерси еще тогда, когда я тайно ее провел сюда. Это было единственный раз.

Повесив школьную форму на ручку шкафа, я сажусь за стол и вместо того, чтобы подготовиться к завтрашнему уроку статистики, загружаю Social Club и теряюсь в онлайн-пространстве GTA 5. У меня есть слабость к этой игре, ничего не могу с собой поделать.

Уже в кровати я стараюсь не думать о том, о чем думаю каждую ночь. Это ни к чему хорошему не приводит. Но сегодня все немного по-другому. Я вспоминаю свой четырнадцатый день рождения. Третье февраля тогда выпало на субботу, и мы с родителями приехали сюда в Эшборо, чтобы пожарить стейки на заднем дворе Роббинсов.

Каким я был тогда? Я не помню, о чем думал, о чем мечтал. Как странно не знать самого себя до того, как твой мир перевернулся. Помню лишь то, что я ни в чем не нуждался. Совершенно. И вряд ли это ценил, принимая как должное. Но так бывает с каждым, верно? Мы живые существа и быстро обособливаемся в благоприятных местах.

Избитая фраза: ценишь, когда теряешь – мой слоган уже долгое время.

Весь следующий день я так занят, что мне едва удастся поцеловать Трейси во время ланча. У нас сегодня особенный день, и я напоминаю себе об этом, когда с самого утра рассекаю голубую воду в бассейне руками и вдыхаю запах хлорки; когда сижу на статистике и стараюсь максимально сосредоточиться; когда после уроков забегая в резиденцию, где мне староста вручает письмо, пришедшее из Виктории.

Я стою в раздевалке, прислонившись затылком к стене и слушаю хор голосов, эхом разносящийся с арены. Сегодня тренер решил провести внеплановую тренировку, так как лед почти весь день свободен, ну а мы, по его словам, уже скоро забудем, как стоять на коньках.

– Арчер, ты рано. – Тренер Фаррелл заглядывает в раздевалку и замечает меня.

Оттолкнувшись от стены, я подхожу к своей форме.

– А, да, освободился раньше.

Тренер молча наблюдает за мной, когда я сажусь на шкаф-скамью и расшнуровываю кроссовки.

Мне неловко в его присутствии, ведь я повел себя с ним, как задница². Но я действительно считал, что был прав и пусть я не был уверенным в том, что делаю, я все-таки это сделал.

Со мной такое случается слишком часто, чем я не горжусь.

Хорошо, что все не зашло слишком далеко. Но я вынес из этого одно: какие бы благородные мотивы тобой ни двигали, сначала узнай, нужно ли кому-то твое чертово благородство. Есть шанс все испортить и сделать только хуже.

Нужно извиниться за свои слова, ведь тренер Фаррелл для меня один из примеров для подражания и, если честно, с трудом верится, что мы как-то связаны. Если это можно так назвать.

Но я продолжаю молчать, стиснув зубы. Возможно, это моя гордость, которой здесь вообще не место или некий ступор, когда молчание и опущенный взгляд в пол отчетливо дают понять, какой ты идиот, но все еще славный малый, который порой наступает на мины.

Надеюсь, что все же второе.

Видимо тренер думает так же, потому что он проходит в раздевалку и встает напротив меня. По его расслабленной позе я понимаю, что разговор будет о другом.

– Ты в порядке, Кайден? – интересуется он.

Я поднимаю голову.

– Да, конечно.

Взгляд тренера падает на письмо, которое я положил рядом с собой. Я быстро хватаю его и убираю в сумку.

– Уже приходят ответы из колледжей, – продолжает он. – Как у тебя с этим дела?

Он специально спросил? Я снова оставляю в покое шнурки и выпрямляюсь.

– Некоторые рассылают в конце апреля, так что...

Тренер кивает, продолжая буравить меня взглядом. У меня что-то на лице? Почему он так смотрит?

– Не всегда все может идти по плану, – неожиданно произносит тренер Фаррелл. – Порой даже запасные планы не срабатывают.

Я вздыхаю и опускаю голову. Он слишком хорошо нас читает, ведь ему всего двадцать пять. В нашей школе он работает больше года, почти сразу после колледжа. Он катался за университет Торонто в студенческой ассоциации спорта, и когда мы с парнями нашли его статистику на сайте университета, просто охренели. Да он должен был стать звездой НХЛ, но этот парень выбрал карьеру тренера, а не хоккеиста и не похоже, что жалеет. Кто-то ведь должен тренировать, верно?

Да и выглядит он не совсем как тренер. Забитые татуировками руки плюс густая растительность на лице делают его похожим на рок-звезду.

Этим он нас и расположил к себе с самого начала. А позже и тем, что его тренировки почти сразу начали приносить плоды. Он крут, и я жалею, что испортил его мнение о себе.

Но судя по разговору, еще не все потеряно.

– А если планов нет вообще? – решаюсь произнести я, глядя на лицо тренера.

² отсылка к роману «Плюш»

Он понимающе смотрит на меня в ответ.

– Тогда придумай их.

Я старался. Но не выходит. Я не знаю, чего хочу и не знаю, что приносит мне это письмо: облегчение или разочарование.

Как же убого это звучит. Мне ни в коем случае нельзя говорить все это Трейси.

Я учусь в одной из лучших школ страны. 90 процентов учеников Эшборо Флэйм поступают в ведущие университеты страны и университеты лиги плюща в Америке. Так каково черта я не знаю, как в дальнейшем распорядиться своей жизнью?

– Послушай, – продолжает тренер. – У тебя огромный выбор, несмотря ни на что. Я могу тебе кое-что предложить, как один из вариантов.

Это заставляет меня всего обратиться в слух.

– Что именно?

– Уже все знают, что должность тренера в новом хоккейном клубе города моя, – говорит он. – Это не было секретом, но все же знали только самые близкие, а один мой друг не умеет держать язык за зубами.

Я улыбаюсь. Это верно. Все знают, что наш тренер в этой школе последний год, а в дальнейшем будет тренировать профессиональный клуб, который будет входить в Тихоокеанскую юниорскую хоккейную лигу. Это так круто, что даже не верится. В Эшборо такое впервые.

– О, вас поздравить? – Я придаю своему голосу шутливый тон и протягиваю руку.

Тренер Фаррелл смеряет меня грозным взглядом. Я смеюсь и убираю руку.

– Кроме шуток, Кайден, – продолжает тренер. – Если ты совсем не знаешь, как дальше распорядиться своей жизнью или ты запутался, у тебя есть выбор. Дай себе время, чтобы определиться. В конце концов, у тебя есть хоккей.

Я становлюсь серьезным.

– Вы имеете в виду...

– Да. Приди на просмотр, не даю гарантии, но я замолвлю за тебя словечко, и ты можешь быть частью команды. Или поезжай в другой город и дай себе время там. Не нужно спешить.

Играть в хоккей на подобном уровне? Это конечно не НХЛ и даже не CHL, но я бы мог уже после школы заниматься чем-то серьезным. Мне важно быть опорой для Трейси.

По крайней мере, хоть какая-то цель у меня есть. Но эта цель слишком честолюбива, особенно для такого, как я, ведь она касается денег. Я хочу окружить Трейси тем, к чему она привыкла, и знаю, насколько сложно это будет. Возможно, задачу облегчает то, что Трейс не похожа на избалованную девчонку, несмотря на то, что выросла в достатке. Она все же знает этому цену.

Я даже цель себе правильную поставить не могу.

С трудом кивнув, я отвечаю:

– Хорошо, я подумаю.

Тренер Фаррелл тоже кивает и идет к двери.

– И еще. – Он останавливается. – Ты не сделал ничего плохого, хватит на меня так смотреть.

Мне хочется улыбнуться, но я изо всех сил сдерживаюсь.

– Мы пытаемся защитить тех, кто нам дорог и пусть это не всегда срабатывает. Это хорошее качество, Кайден. На твоём месте я сделал бы то же самое, наверное, – неуверенно добавляет он.

Я удивленно вскидываю брови.

– Seriously?

Тренер кивает.

– А может и еще чего похуже. Я был слишком вспыльчив в старших классах. Это подростковое и это пройдет.

Я снова смеюсь.

– Вам нужно было устроиться сюда психологом, тренер.

Он тоже смеется, скрестив свои большие татуированные руки на груди.

– Ну да, конечно. – Но тут же серьезнее добавляет: – Просто мне все еще знакомо то, через что вы все сейчас проходите. Так что, если дверь с табличкой «школьный психолог» тебя пугает, ты знаешь, где меня найти.

Думаю, я смогу воспользоваться этим предложением. Проще довериться тому, кому это слишком знакомо, чем тому, для кого это всего лишь работа.

Я рад, что вернул доверие тренера и моя скептическая сторона молчит. Он помогает мне потому что он такой, хотя по виду может показаться, что тренер сейчас достанет пушку. И уж точно не потому что я знаю то, чего не должен знать.

Глава 5

Трейси

Наш учитель литературы мистер Гриффитс равнодушен ко мне. Конечно, не в том самом смысле, я надеюсь. Но когда он рассказывает о чем-то на уроках, он смотрит на меня. Когда я сдаю работу, он улыбается мне и, если у меня сырой материал, он всегда мягко указывает на это и дает шанс все исправить.

Все в классе за это меня ненавидят. А я ничего не могу с этим сделать.

Мистер Гриффитс окончил Оксфордский университет, и сейчас ему примерно около шестидесяти. Быть может, я напоминаю ему его родную дочь, с которой он мало общается. Или первую любовь, которую он все еще не может забыть.

Причин может быть много и все они не так важны. Благодаря его урокам я заинтересовалась классической литературой и поэзией. Меня приняли в университет Виктории на писательский факультет, и я понятия не имею, что из этого выйдет. Ведь меня не могли принять просто так только из-за приличного среднего балла. В письме указали, что мое стихотворение произвело на них впечатление. В нем хороший слог и не примитивная рифма. И если я продолжу оттачивать навыки, но меня ждет успех. Какой мне пока непонятно, но в письме с моим зачислением было написано именно так.

Когда я села писать это стихотворение, я разложила на полу в спальне все свои черновики, старые записи еще со средней школы. Стихотворение получилось небольшим, всего пять строф. Но я так много в него вложила.

Я не дала ему названия, но думаю, если его прочтет тот, кто хорошо меня знает, без труда догадается о ком оно. Моя любовь мне кажется слишком сильной и возвышенной, и именно поэтому это стихотворение я не показала даже своим близким друзьям. Никто о нем не знает.

Даже тот, кому оно посвящено.

Узнав о том, на какой именно факультет я подала заявку, папа заявил, что это несерьезно. Мама сказала, что я должна изменить решение, пока есть время.

Просто отличная поддержка. Но я не жалуюсь. У бизнесмена и юриста должен быть еще один юрист или бизнесмен. Но я решила пойти по более спокойному пути.

Возможно, я и передумаю, но только если решу это сама.

Мистер Гриффитс продолжает свою лекцию, оглядывая класс. Его взгляд останавливается на мне и на моих руках, в одной из которых черная ручка. Вторая моя рука покрыта чернилами. Мне нравится рисовать на своих руках и писать мелким шрифтом на пальцах какие-нибудь мысли.

Я виновато поджимаю губы, и мистер Гриффитс едва заметно качает головой и продолжает говорить. Это один из углубленных курсов литературы, которые входят в мое расписание в этом году. Сегодняшний урок посвящен творчеству Эдгара Аллана По. Но все знают его историю и легенды, которыми порочили его великое имя завистники и враги.

– Ребята, я прошу вас к следующему уроку написать небольшой анализ любого стихотворения XX века. Любого, на ваш выбор. И постарайтесь вдаваться в каждую деталь. Вы знаете, я не люблю халтуры, – объявляет на весь класс мистер Гриффитс.

По классу разносится дружный стон, но он это игнорирует.

– Мы уже говорили о том, что для читателей XX века Эдгар Аллан По был прежде всего новеллистом и поэтом. Современники же знали его как одного из самых бескомпромиссных критиков. Он не переносил любительство, бездарность и пошлость.

– Но именно такой и была литература в Штатах в ту эпоху, – говорит Терри Уилмор, в сотый раз за урок убирая волосы со лба.

– Не вся, конечно, но да, – соглашается мистер Гриффитс. – Было множество подражателей. И в эту эпоху, когда в национальную литературу США только-только начали вдыхать жизнь и вся писательская деятельность не считалась еще профессией, мало кто мог оценить честного критика. Постарайтесь на какое-то время побыть таким критиком, как Эдгар А. По. Честным и справедливым. Имейте в виду, это задание обязательно.

Я быстро печатаю домашнее задание на компьютере в специальную колонку напротив нужного предмета и возвращаюсь к своей правой руке. На внутренней стороне среднего пальца я нарисовала миниатюрную звезду, а рядом полумесяц, почти заключивший ее в свой полукруг. Мне нравится ассоциировать себя и Кайдена с чем-то подобным.

Звонок волшебным образом заставляет учеников двигаться со скоростью флэша. За пару секунд парты становятся чистыми, а еще через пару класс пустеет.

Я выхожу одной из первых и иду по оживленному коридору на втором этаже, который заполнен учениками в одинаковых темно-синих пиджаках, юбки девочек в серо-синюю клетку и полосатые галстуки парней той же расцветки слились в единое пятно из цветов Эшборо Флэйм.

Поднимаясь на третий этаж, я киваю нескольким знакомым. Почти в самом конце длинного коридора, я останавливаюсь возле нужной двери и смотрю в небольшое окошко.

Терри уже там.

– Эй, как ты быстро убежал. – Я захожу внутрь и закрываю за собой дверь.

Здесь темно, жалюзи закрыты, по всем стенам развешаны различные макеты газет, а в самой середине стены слева большими бумажными буквами приклеены слова «Искры пламени»³.

Терри вертится на стуле напротив компьютера, стаскивая с шеи галстук.

– Я ничего не успеваю, черт возьми, – бормочет он, привычным взмахом головы отбрасывая длинную черную челку со лба.

Я сажусь на край стола и вынимаю из сумки сложенный листок. Терри смотрит, как я двумя пальцамидвигаю его по столу.

– Снова? – с хитрой улыбкой интересуется он, беря листок в руки. Я не позволяю ему развернуть. – Трейси, я все равно прочту.

– Знаю. Но не при мне.

– Знаешь, а это довольно мило...

Фыркнув, я спрыгиваю со стола.

– Мы договорились не говорить об этом.

– Ладно. – Вздохнув, Терри кладет мой листок в папку с приклеенной надписью «свежий номер».

– Спасибо, – едва слышно бормочу я, идя к двери.

– Ты ничего не забыла? – вопрос Терри останавливает меня.

На моем лице появляется ироничная улыбка, когда я поворачиваюсь.

– Терри, – качаю головой. – Я думала, мы друзья.

Он тоже улыбается, невинно пожав плечами.

– Мы друзья, но знаешь, как говорят...

– Счет дружбе не помеха, – говорим вместе мы.

Я вынимаю из пиджака несколько купюр и протягиваю Терри.

– Держи, друг.

Он смеется и убирает деньги в карман.

³ «Sparks of Flame» – название отталкивается от названия школы Эшборо Флэйм (Flame – пламя).

– Обращайся, Трейси.

Махнув, я выхожу из редакции. На этом этаже под широкой лестницей есть одно уединенное место, куда мы с Кайденом приходим во время перерывов. Я знаю, что его сейчас там нет, но все же...

Завернув под лестницу, я немного нагибаюсь, чтобы подойти к широкому каркасному пуфику. Мы виделись лишь утром на совместном уроке истории. Во время ланча мы сидели за разными столиками и обменивались жадными взглядами, так как еще утром договорились подождать вечера и держать руки подальше друг от друга.

Сев на пуфик, я наклоняюсь, чтобы подтянуть черные чулки, и вдруг замечаю небольшой клочок бумаги. Он придавлен железной ножкой пуфика. Приподняв его, я вынимаю клочок и читаю три слова:

Ровно год назад.

Обожаю такого Кайдена. Я его любого обожаю, но такого особенно.

Прошел год. Целых двенадцать месяцев с того самого дня, когда он впервые оказался на пороге моего летнего домика и поцеловал меня. Год назад я и помыслить не могла, что Кайден Арчер будет встречаться со мной.

Это случилось не сразу. Тогда он поцеловал меня дважды. Затем мы болтали всю ночь, и на рассвете он ушел. Следующей ночью я снова оставила на окне зажженную свечу и ждала его. И он прошел. И на следующую ночь тоже.

Так длилось чуть больше недели, пока Вив прямо меня не спросила о нас. Я не знала, что ответить, потому что сама не понимала, что между нами. Но когда однажды утром, когда я стояла у шкафчиков, Кайден подошел и поцеловал меня при всех, все вопросы испарились.

С каким же большим трудом мне удавалось игнорировать самодовольную улыбку Вивиан. Я потребовала, чтобы она ничего не говорила, но ее горящие голубые глаза почти целую неделю изводили меня произнесенными фразами: «Я так и знала!», «Я же говорила!», «Не ты ли говорила, что Кайден – придурок?», «А кто говорил, что вы никогда не будете вместе?»

Да, да это все я. Мои слова, но... для меня наши отношения действительно стали неожиданностью. Так что Вив терпеливо молчала, пока мы обе не привыкли к изменению в нашей троице.

И к изменению Кайдена.

– Привет, Сэди. – Я захожу в небольшой хозяйственный магазин на Эйдж-стрит.

– О, привет, Трейси. – Сэди появляется дверях подсобки с коробкой в руках.

Только ее небольшой магазинчик способен удовлетворить мою потребность в ароматических свечах. Есть еще специальный отдел в Ханни Плейс Молл и еще несколько сотен в Ванкувере, но я предпочитаю магазин Сэди. У нее всегда есть то, что мне нужно.

– Есть что-нибудь новое для меня? – с надеждой интересуюсь я, опираясь руками на прилавок.

– Сейчас посмотрим. – Сэди ставит коробку, которую держала в руках рядом с кассой, затем наклоняется за другой в углу.

– На прошлой неделе ты брала несколько, – говорит она, ловким движением вскрывая коробку канцелярским ножом. – И что ты с ними делаешь?

Я улыбаюсь, склоняясь над раскрытой коробкой так низко, что чувствую смешанный аромат свечей через толстую полиэтиленовую упаковку.

– Сегодня особенный день, – говорю я, помогая ей убрать всю лишнюю обертку.

– Нам с Кайденом год.

– Год? – Сэди округляет глаза. – Даже я со своим гражданским мужем прожила меньше.

– Правда? – Я беру в руки упакованную в пластик свечу и принохиваюсь.

– Да, – отвечает Сэди, подавая мне другую. – Но это было несерьезно.

– Хм, гражданский муж и несерьезно? – удивляюсь я.

Она смеется.

– И такое бывает.

– А было что-нибудь серьезно?

Я не совсем близко ее знаю. Только то, что она владеет этим крохотным и универсальным магазинчиком. И на вид ей слегка за тридцать.

– Ну да, в школе и в колледже.

Когда слушаешь чужие истории, всегда кажется, что с тобой ничего подобного не произойдет. Но чем больше слушаешь и находишь между ними что-то общее, тем отчетливее понимаешь, истории могут повторяться.

– А что случилось с парнем из школы? – В ее небольшом рассказе меня больше всего волнует именно эта часть.

Сэди неопределенно пожимает плечами и вздыхает.

– Ничего, просто школа закончилась.

– Ну и что? Разве это важно, если вы любите друг друга?

Я уже жалею, что завела эту тему. Мой страх потерять Кайдена в калейдоскопе студенческой жизни приравнивается к страху перед концом света.

Точнее это почти синонимы для меня.

– Нет, конечно, нет, – видя мой обеспокоенный взгляд, спешит ответить Сэди. – Мы разъехались по разным колледжам и расстояние сделало свое дело. Но у всех бывает по-разному. И судя по твоим рассказам о Кайдене, я думаю тебе не о чем волноваться.

Я расслабляюсь и киваю с улыбкой.

– Да, это точно.

Мне нужно найти в себе больше уверенности. Мы с Кайденом не расстанемся, потому что собираемся вместе поехать в Викторию. Он любит меня, и я уверена в нем. За этот год столько всего было: ссор, клятв, компромиссов. Между нами есть химия, которую не спутаешь ни с чем. А выдержке Кайдена я должна поклоняться. Это не преувеличение. Ни один парень не справится с подобным.

У нас все будет хорошо.

– Советую тебе вот эту. – Сэди протягивает мне абсолютно черную баночку в прозрачной упаковке. – Ноты пачули, ванили и фиалки.

– Не слишком? – Я кручу свечу в руках. Она удачно контрастирует с моими длинными ногтями, покрытыми черным лаком.

– Нисколько, поверь мне, – отвечает Сэди. – Не желаешь еще несколько чайных, чтобы выложить романтическую дорожку к постели? – Она театрально вздыхает и обмахивается ладонью.

Я смеюсь и качаю головой.

– Нет, ни за что. Так банально. К тому же у Кайдена привычка бросать свои вещи. Что если случится пожар? Нет уж.

Сэди со смехом убирает коробку и пробивает мою попку.

– Повеселись, – подмигнув, говорит мне она на прощанье.

Взяв у «Нэнси» напротив магазина Сэди, холодную закуску, я выезжаю с Эдж-стрит на Ханни Плэйс и проезжаю мимо торгового центра. Уже через десять-пятнадцать минут центр города и жилые дома остаются позади. Я осторожно веду «Аккорд» по дороге, над которой низко висят кроны деревьев. Выключаю музыку, предоставив птицам заполнять тишину. Через

открытые окна по салону машины гуляет теплый весенний ветер. По моим ногам вдруг начинает нестись холодок, когда я представляю сегодняшний вечер.

Черт возьми, я словно в первый раз увижу его. Между нами столько всего было, что я не должна волноваться.

Но я волнуюсь.

На подъездной дорожке стоит папин черный «форд». Я паркуюсь рядом и выхожу из машины. Когда я уеду в колледж, то скорее всего, оставлю машину здесь. До Виктории можно добраться только на пароме, так что у меня нет ни желания и необходимости заморачиваться с машиной.

Дома меня встречает оглушающая тишина. Впрочем, как и всегда. Я больше не спрашиваю родителей, будем ли мы ужинать сегодня вместе, так как в большинстве случаев любой из них находит повод поужинать вне дома. К тому же сегодня я даже не думаю об ужине, потому что мысли заняты совершенно другим.

Я знаю, что мои родители меня любят. Я знаю, что им не все равно, что происходит в моей жизни. Но ту пропасть, которую они создали между друг другом, а затем и между собой и мной, очень сложно перепрыгнуть. И я сомневаюсь, что когда-нибудь на это решусь.

Так комфортнее. А комфорт не что иное как привычка.

В своей солнечной спальне я снимаю школьную форму и ненадолго проваливаюсь в дремоту. Сквозь сон слышу голос папы, затем звук отворяющейся двери.

– Трейс, ты дома?

Я с трудом отрываю голову от подушки.

– Нет, – сонно отвечаю я.

Папа игнорирует мой сарказм.

– Я уезжаю в город до завтра, тебе что-нибудь нужно?

Мне хочется улыбнуться. Он спрашивал так, когда я была маленькой.

– Нет, папочка, – меняю я тон.

Он все еще мнетя у двери.

– Мы еще поговорим о твоём поступлении?

Я резко сажусь.

– Конечно, нет. С чего вдруг? Я уже поступила.

– Трейси, – папа качает головой.

– Я не хочу больше спорить, – устало говорю я. – Пожалуйста, не нужно.

Папа меняется в лице, когда видит, что у меня действительно нет сил на спор. Это бывает очень редко. В обычные дни я стою на своем до конца.

– Хорошо, – со вздохом произносит он. – Позвони, если тебе что-нибудь понадобится.

С этими словами он выходит, тихо прикрыв за собой дверь. Я смотрю на потолок, затем бросаю время на цифровые часы, стоящие на прикроватной тумбе.

Нужно принять душ.

После душа я пишу маме сообщение. Мне нужно знать, когда она придет домой, чтобы сказать: «я утром приготовила салат, перекуси без меня, милая, я устала». Затем она закроется в своей спальне, а я спокойно уйду в летний домик.

Сомневаюсь, что родители догадываются, что минимум пять дней в неделю я провожу ночи там. И не одна.

Это очередная комфортная привычка, которая всех устраивает. В особенности меня.

Мама отвечает через пятнадцать минут, когда я уже роюсь в шкафу в поисках нижнего белья.

МАМА: *Задержусь. Много работы. В холодильнике салат. Поужинай одна, милая.*

Ну что я говорила?
Быстро печатаю ответ.

Я: *Хорошо. Лягу пораньше. Увидимся утром.*

Очень красивая и складная ложь. Со стороны кажется, что мы обычная семья, у которых сегодня просто не получилось поужинать всем вместе.

А это привычная и комфортная ложь.

Пока ишу белье, откладываю небольшую гору вещей для Вив. Много из этого я даже не надевала. Вивиан немного решится надеть из моих вещей, но от чулок она уж точно не откажется. Или от сарафана. Хотя на нем череп, так что наверняка она сморщится. Вкусы в одежде у нас слишком разные. Если я выбрала дерзость и броскую уверенность, то Вивиан более консервативна в этом плане. Жаль, что моя так называемая «броская уверенность» ограничивается только лишь одеждой.

Отбрасывая в сторону футболки и майки из магазина KillStar, я нахожу свободное черное платье с длинными рукавами и натягиваю его на себя. Подойдя к зеркалу рядом со шкафом, осматриваю себя в отражении. Платье почти прозрачное, с неглубоким вырезом, но мелкие непонятные рисунки на нем скрывают большую часть. Оно короткое и едва прикрывает мне бедра. Но я думаю это более чем сексуально. Но не более, чем нижнее белье, которое я надела.

Мои длинные волосы мокрым прядями прилипают к платью, но я не каждый раз рискую использовать фен. Он сушит волосы, а я достаточно наношу им вред краской и без этого. Идея выкрасить волосы в тон к своим серым глазам мне пришла, когда мне было пятнадцать. Маму пришлось очень долго уговаривать, так как она не хотела «портить» мои каштановые длинные волосы. Но желаемого я добилась и теперь периодически посещаю салон или крашу волосы дома сама. Спустя столько времени мне уже кажется этот цвет родным. Ни за что не перекрашусь в другой и уж тем более не верну родной цвет.

Я слышу звук входной двери, когда пишу Кайдену сообщение. Свет в своей спальне я уже погасила и оставила только ночник. Окно, а точнее полностью стеклянная стена в моей спальне выходит на задний двор и освещает его, если не выключить свет. Если я хочу, чтобы мама думала, что я сплю, мне не стоит рисковать. Нет, я не волнуюсь о том, что она запрет меня или что-то подобное. Мне просто не хочется отвечать на вопросы, ответы на которые ей вряд ли понравятся.

Кайден все еще не отвечает, когда я слышу, что дверь в спальню в конце коридора закрылась.

Еще есть время. Он может быть занят или спустился на кухню перекусить. Наконец, выждав достаточное количество времени, я решаю выйти. Волосы все еще мокрые и макияжа на моем лице сегодня нет, но Кайден ни разу не сказал мне о том, как я выгляжу с толстым слоем подводки или без нее. И я это ценю. Значит, я нравлюсь ему любой.

С кроссовками в руках я босиком крадусь из спальни и спускаю вниз. В летний домик не проведен свет и это сделано умышленно. Здесь я иногда читаю, пишу и слушаю на телефоне музыку. Вечерами мне светом служит электрический камин или свеча. А также полная луна.

Бутылка дорогого шампанского, которое я взяла из маминого запаса у нас в подвале, и фруктовый салат, купленный в «Нэнси» – это все что я приготовила на сегодня. Я не хочу много пафоса. И готовка тоже ни к чему. Главное в этой ночи то, что мы вместе целый год. У нас не серебряная свадьба, поэтому все остальное я посчитала лишним.

Усевшись на диван, я ставлю на подоконник новую свечу и зажигаю фитиль. Приятный аромат уже через секунду разносится по комнате. Надеюсь, Кайден придет раньше, чем запах вызовет у меня головокружение. Но если он придет позже, нужно зажечь обычную свечу.

Почему он не отвечает?

Я вновь и вновь проверяю телефон, поджав колени к подбородку и продолжая ждать. Уже десять тридцать. Если у него получается прийти раньше, он приходит к одиннадцати.

Одиннадцать тридцать, и это мое пятое сообщение.

Я: *Все хорошо, я пойму, просто мне хочется быть уверенной, что ничего не случилось.*

Все НЕ хорошо. Я на грани и схожу с ума. Он делал так только однажды. Когда специально игнорировал меня после того, как я выгнала его из этого самого домика за то, что он заявил, что может переспать с любой если захочет.

Боже, я так рыдала тогда. Потому что это правда. Он мог это сделать и до сих пор может. Но то, что он сказал после, когда остыл, не оставило во мне никаких сомнений. Он любит меня и никакие слова, брошенные в гнев, не могут это изменить. Гнев – это эмоция, которая неразделима с любовью или страстью.

Я не стану плакать как маленькая девочка. Утром все станет понятно.

Перед глазами все плывет, когда я вижу цифры на экране телефона.

2:30.

Нет, он не забыл. Что-то пошло не так.

Но когда я звоню, он не отвечает.

Мои глаза слипаются. Я гашу уже обычную свечу, которую зажгла примерно час назад, закрываю глаза и моментально проваливаюсь в сон.

Глава 6

Кайден

Что-то заставляет меня открыть глаза. В комнате тускло, и мое сознание все еще пребывает во сне. Потянувшись, я обнаруживаю себя лежащем на кровати в неудобной позе и в одежде.

Меня словно ударяет током.

Я подскакиваю на кровати так резко, что начинает кружиться голова и мне требуется несколько секунд, чтобы прийти в себя. Я начинаю лихорадочно искать телефон, который оказывается под подушкой.

Пять тридцать утра.

Нет. Нет, нет. Нет. Не может быть.

Я продолжаю смотреть на цифры и с ужасом сознавать, что я проспал наше свидание с Трейси в честь первой годовщины.

Этого просто не может быть. Но пропущенные звонки и сообщения Трейси как раз доказывают то, что это уже произошло.

ТРЕЙСИ: *Через пятнадцать минут буду на месте.*

ТРЕЙСИ: *Где ты?*

ТРЕЙСИ: *Все в порядке? Ты придешь позже?*

ТРЕЙСИ: *Кайден, напиши хоть что-нибудь.*

ТРЕЙСИ: *Все хорошо, я пойму, просто мне хочется быть уверенной, что ничего не случилось.*

Я закрываю лицо руками и с силой бью себя ладонью по лбу.

Придурок.

Я уснул. Лег отдохнуть после тренировки и заснул мертвым сном.

Самое паршивое то, что я не включал звук на телефоне с самого утра, как оставил его в шкафчике перед уроками. И никто не приходил и не стучал в мою комнату, как это бывает десять раз за вечер.

Ну почему никто не пришел?

Нет смысла обвинять кого-то в собственной глупости. Я сам виноват. Бесконечные тренировки в зале и бассейне меня доводят до такого состояния. Я буквально выключаюсь.

Решив не тратить время на звонки, я сбрасываю с себя треники и натягиваю джинсы. Надев толстовку и кроссовки, я засовываю телефон в карман и хватаю ключи.

В коридоре тишина. Слабый утренний свет освещает балюстраду. Я быстро спускаюсь вниз и прохожу мимо высокого поста, на котором днем дежурят старосты. За постом находится дверь с круглой аркой, из-за которой слышится громкий смех.

Это заставляет меня остановиться. На секунду я забываю о своем провале и позволяю себе прислушаться. Кажется, я уже знаю, что происходит. Дверь открывается именно в тот момент, когда я уже решаю уйти.

– Арчер? – Растрепанный Гейл быстро оглядывается на открытую дверь и закрывает ее за собой.

Но я уже знаю, кто там. И это не впервые.

Гейл и Лиза Джейн наши старосты и когда на дежурство выходит кто-то из них, а чаще всего они вместе, то все могут себе позволить намного больше вольности в резиденции. Они классные и намного моложе других старост, поэтому с ними легче всего найти общий язык. Я не знаю, кто еще в курсе про них двоих, но они старательно это скрывают, чтобы не возникло неприятности с директором Барнсом.

Впервые я их застукал несколько месяцев назад и меня это несколько не удивило.

– Доброе утро, Гейл, – с улыбкой говорю я.

На нем пижамные штаны и футболка, темные волосы в том самом беспорядке, когда в них запускала руки девушка. Да, это можно определить.

– Ты только возвращаешься? – строго интересуется он.

В его руках пустой прозрачный стакан. Наверняка, парень шел за водой после бурной ночи.

– Нет, – я качаю головой. – Если бы ты работал как следует, то знал бы, что я в своей спальне.

И как же я об этом жалею.

Гейл прочищает горло, прищурившись. Он знает, что я его дразню.

– И куда ты собрался в такую рань?

Меня моментально накрывает волной тревоги. Трейс так зла на меня. Но это лучший из вариантов. Злость быстро проходит. Больше всего я боюсь увидеть в ее глазах разочарование. Мы вместе так долго и между нами было столько всего, но она никогда во мне не разочаровывалась, все время видя во мне лучшее из того, что я из себя представляю.

Что ж, теперь я дал ей повод.

– Нужно срочно отлучиться до начала занятий, так что мне пора, – быстро отвечаю я.

– Эй, – начинает он, но тут дверь позади него открывается и показывается светловолосая голова Лизы Джейн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.